18+

Ирина Фургал

Непринятая жертва

Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть IV

Ирина Фургал

Непринятая жертва. Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть IV

«Издательские решения»

Фургал И.

Непринятая жертва. Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть IV / И. Фургал — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502451-0

Трудной и опасной оказалась зимняя дорога домой, по которой я, волшебник Мичe Аги, и мой друг Петрик Тихо спешили на выручку родителям. Кто знал, что в пути мы столкнёмся со светильниками — «солнцами» из прошлого и разгадаем тайну давнего вымирания народа анчу и нынешних бедствий? А также — тайну пиратского мага Аарна Кереичиките. Петрик считает, что его жертва ради свободы не была принята высшими силами. А жертва самого Петрика ради безопасности матери и отца? Мне кажется, что тем более.

ISBN 978-5-00-502451-0

© Фургал И.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. ЗИМНИЙ ПУТЬ 6
ГЛАВА 2. БОЛЬШАЯ ЗАГАДКА 11
ГЛАВА 3. КРОВЬ АНЧУ 18
ГЛАВА 4. СОЛНЦЕ МИЧЕ 23
ГЛАВА 5. ЧЕРЕЗ ДВЕ ГРАНИЦЫ 29
ГЛАВА 6. ТРИ ПИСЬМА 34
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Непринятая жертва Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть IV Ирина Фургал

Роман
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА
ЧАСТЬ IV. НЕПРИНЯТАЯ ЖЕРТВА

© Ирина Фургал, 2019
ISBN 978-5-0050-2451-0 (т. 4)
ISBN 978-5-4496-8120-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. ЗИМНИЙ ПУТЬ

Мы спешили. Видит Эя, как мы спешили! Но всё равно не успели войти в почти не замерзающий Влот до тех пор, пока не покрылись льдом северные реки.

Я помню спешку, вечно наполненный ледяным ветром парус и вечный холод. Мерзко было в отсыревшем челноке, где от прикосновения кусачей и жгучей зимней воды защищал лишь дощатый настил и обшивка. Мы питались всухомятку, спали, дрожа от холода. Мне редко удавалось посетить какой-нибудь центр цивилизации: анчу, путешествующего по воде, могли опознать. Петрика тоже могли, конечно. Я посоветовал ему не надевать шапку: заклинание от кудрявости действовало замечательно. В таком мохнатом виде Чудилка был не просто неузнаваем, но даже пугающ. Лично я каждый раз вздрагивал, когда видел его без шапки. Подозреваю, что это заклинание было придумано мальчишками для мальчишек. Шутка такая. Или оно призвано учить подростков обращаться с магией осторожно. Я тоже решил поучить немного Петрика и расколдовал его примерно через неделю, когда он спал. Только после того, как он объявил о намерении побриться налысо.

– О! – воскликнул мой дружок поутру, проведя по волосам ладонью и ощутив привычную лёгкую волнистость. – Оказывается, через неделю само проходит.

Петрик, которого терзала совесть из-за того, что он может погреться в трактире, приносил мне горячий обед, кипяток и чего покрепче. В больших городах, где много народа и легко затеряться, мы останавливались в гостиницах, чтобы отогреться в течение суток, и нам было не до достопримечательностей. Сидели у печки. Чудила считал себя виноватым из-за того, что вытащил меня в этот холод. Он говорил, что я плохо выгляжу, и боялся, что заболею. При этом здорово кашлял он, а не я. Я только чихал. Ночью невозможно было спать – и я приволок Чудилу к врачу и заставил его несколько дней побыть в тепле и вылечиться, наконец.

– Наконец ТЫ вылечишься и перестанешь действовать на нервы, – сказал мне Чудилка. – Хорошо, что я ТЕБЯ к врачу отвёл.

Мне было смешно. Петрик решил испытать на себе те самые заговоры из книжки и заставлял меня читать их на ночь, как сказки. Ну, я читал, читал… Не знаю, что помогло: нормальные лекарства или древняя анчутская медицина. К ней ли, к другой какой, у меня всё равно нет способностей. Представьте, согласно ей, мне пришлось куриным пёрышком рисовать знаки, не напоминающие даже руны, у Петрика на ладонях и пятках под его хихиканье. Больше всего это было похоже на роспись глиняных кукол Крассеты. Спрашивается: как ему удаётся уговаривать меня на всякие безумства? Я сам потом несколько дней не мог избавиться от загогулек, которые Чудилище ночью втихаря начертил на моих ступнях в целях тренировки. Упражнялся он не в лечении, мне кажется, а в заклинании «Чтобы щекотку не чувствовать». Когда-нибудь с ума с ним сойду!

И не безумие ли то, что мы проделываем сейчас обратный путь вопреки всем приказам и здравому смыслу? Не зная даже, что будем делать, дожидаясь катаклизма или стараясь его предотвратить. Где будем прятаться в его ожидании, ведь вся, просто вся Някка знает нас в лицо? Или следует идти прямо во дворец, где Чудилка стукнет кулаком по столу и добьется своего?

– Будем сперва жить инкогнито на конспиративной квартире, использовать шифр и пароли и действовать исподволь, – сказал Петрик из тайной полиции.

Всё верно. Государи не очень одобряют его упорство, и стучать кулаком, я думаю, бесполезно.

Вот мы снова в пути, и снова дни и ночи сливаются для меня в ощущение бесконечного холода. Он отодвигал на второй план даже горечь от разлуки с Натой и Рики и тревогу за них. И мысль о том, что скажут мама и папа, увидев меня на пороге. Сколько нам ждать в Някке того,

что должно случиться? Или другой вопрос: как бы не опоздать? Нужны были новости, и мы их узнали. В столице волнения всвязи с ожиданием весенних реформ. Корки разбушевались. Интересно, к кому они цепляются, когда там нет меня?

– А непосредственно к королю, – объяснил Петрик, постукивая зубами.

– Здорово. Значит, в другое время я его заместитель.

Чудилушка повадился из каждого населённого пункта притаскивать пучки и стопки газет и объяснять мне, что ведь нарочно заранее объявлено о будущих реформах. Вроде бы для того, чтобы Корки и подобные им приняли меры: улучшили положение рабочих на своих предприятиях, перестали сливать отходы производства в речки Ерет и Таук и озаботились очистными сооружениями и нормальной канализацией. Чтобы как можно меньшее количество карательных мер обрушилось на головы этих убийц окружающей среды, чтобы не было у них больших внезапных убытков и трат, чтобы их недовольство было как можно меньшим. Времени для исправления ещё очень много. Так задумано. Но Корки, говорил Петрик, пойдут, конечно, по единственно знакомому им пути: по пути смут и переворота.

– Чудилушка, – говорил я, кутаясь во что-то меховое и отсыревшее, – к чему эти смуты? Реформы-то уж очень хороши, полезны и справедливы.

– А то ты не знаешь Корков! Плевать им на всё, если речь о прибыли идёт. То, что от них требуется, денег стоит. Опять же, как не пойти против Охти? Реформы – прекрасный предлог. Всё равно, какие реформы.

Я знал, конечно.

Только не понятно было, как Петрик собирался всё это предотвратить.

– Поверь мне, – просил он, – я знаю, как. Я сумею. Если попаду в Някку, не будет смут. Или так только, небольшие какие-нибудь. Послушай, Анчутка, и поверь. Это я начал разговоры о техническом прогрессе и о том, как некоторые его достижения сказываются на природе. Я ещё в школу не ходил, когда начал интересоваться этим вопросом, ты же знаешь. Ты же помнишь: любимец детворы Ник Аник дал нам книгу. Мы вместе читали о том, как люди, изобретательные, но жадные люди, почти уничтожили планету Земля. Хорошо, что опомнились, и теперь…

– Я помню.

– И многие были согласны со мной, Анчутка. Не только ты и Лёка.

– Я знаю.

– Многие влиятельные лица. Многие учёные из тех, с которыми я знаком. Не делай такие глаза. Я действительно знаком со многими. Не только с теми, с которыми ты тоже знаком. Я проводил с ними разные исследования. Ты знаешь, потому что мне помогал. Я говорил с королём и королевой. Говорил с Далимом и его родителями. Говорил и с другими правителями и их детьми, моими ровесниками. Вот только не надо спрашивать, мол, по какому праву. Ты и так знаешь, по какому. Кое-кто сказал: «Петрик молодой и взбалмошный. Сколько лет Петрику? Он ещё в том возрасте, когда мир делят на чёрное и белое, и не видят оттенков. Технический прогресс не всегда зло». А другие сказали – и их было больше, Миче, их было больше! – что я рано повзрослел под грузом наших семейных проблем. Бесполезно спрашивать, каких, просто поверь, что больших. Многие люди сказали, что я прав. Что если так дальше пойдёт, Някка может попрощаться со своим необыкновенным климатом, с чистым морем и реками. Реки обмелеют и погибнут, воздух больше не будет целебным. Мы станем бояться есть плоды, выращенные в садах…

– Да, это так!

– Я сказал, что не считаю технический прогресс злом, но считаю, что идти он должен по другому пути. Наш дом, наша прекрасная Винэя, не должна превратиться в свалку из его отходов. Технический прогресс, Миче, должен быть вежливым гостем, а не безрассудным завоевателем. И ты увидишь, Миче, до чего мы додумались, как мы собираемся защитить наш

дом. Я говорил тебе, что смог бы предотвратить смуту и переворот, и поверь мне, смог бы, будь я в Някке. Я просил, не объявлять реформы без меня и дать мне некоторые полномочия: я организовал бы инспекцию по особо ужасающим предприятиям, нашёл бы тех, кто достучится до управляющих и рабочих… Поверь мне, Миче, я давно это обдумывал, я уже начал действовать, я знаю, что надо делать…

– А король и королева, и другие государи, и их дети, твои ровесники, они, значит, не знают? Они наверняка всё это сделали.

– Нет! То есть да! Сделали, конечно. Или сделают. Но Миче, посмотри на меня: мы с тобой сто лет знакомы. Посмотри и скажи: кто-нибудь справится с этим лучше меня?

Я посмотрел.

Я давно знаю, что Петрик найдёт общий язык с кем угодно, убедит, уговорит кого надо быстрее и лучше других. Он везде свой: среди рыбаков и мелких ремесленников Пониже, среди хозяек Серёдки, среди моряков, среди мальчишек, бегающих повсюду, среди влиятельных даже господ. Потому что он хорошо относится к людям и ему платят тем же – ведь это чувствуется. Его биография, как вы знаете, гораздо богаче моей, и значит, он опытней и мудрее, хоть и ведёт себя порой, как школьник. И ещё Петрик знает все эти свои достоинства и умеет ими пользоваться. Поэтому я пребываю в недоумении: отчего наша Чикикука прицепилась ко мне? Я бы понял, если бы она испытывала такую великую сестринскую любовь не ко мне, а именно к Чудилке. Помнится, в пору нашего противостояния с детьми Кырла Корка, я замечал, что даже Кохи признавал авторитет Петрика и относился к нему с уважением, хоть Петрик дружен с анчу, и при этом на год младше.

Никто не справится лучше. Я так и сказал. И ещё сказал, что, несмотря на то, что Чудилка такой весь из себя замечательный, старшее поколение Корков и прочих несознательных промышленников просто убило бы его в тихом уголке, сунься он со своей инспекцией. Для них нет ничего святого и никаких авторитетов, кроме злыдня и жмота Кар-Кара.

– Хочешь сказать, пусть убьют других? – подскочил Чудила. Челнок опасно качнулся.

Ну что с ним делать?!

Он уходил за провизией в недра какой-нибудь деревеньки, и каждый раз наказывал мне:

– Миче, поточи и почисти саблю. Осмотри клинок. Не дай-то Эя, разбойники нападут.

Я клялся, что обязательно, но даже не разворачивал тряпку, в которую обернул от разбойничьих лап рукоять своей сабли, подарка Далима. Согласно дедову завету, я хранил саблю на голубятне, поэтому она уцелела во время нападения и путешествовала со мной. Рукоять я обернул ещё раньше, как только к нам присоединились пиратцы – мало ли что. Драгоценные камни всё-таки. Глядя на меня, Рики обернул тряпкой рукоять другой сабли, деревянной, так здорово похожей на настоящую. Младший братец хотел потренироваться в заклятии: при попытке развернуть тряпку, посторонний человек получит по рукам. Ему придётся плоховато, даже если он просто потрогает ножны. Мой Рики молодец, освоил заклятие. А я считал, что если нападут разбойники, то такой защиты, наложенной на дорогое оружие, вполне достаточно, зачем ещё точить? Это что, спасёт саблю от похитителей?

В общем, пока Петрика не было, я занимался более интересными делами: грелся у костра, сушил вещи, строгал простые амулеты и гадал рыбакам и влюблённым, попадающимся в кустах на берегу. Если никого не попадалось, делал упражнения: необходимо тренироваться, если хочешь не околеть от холода, сохранить форму и не потерять навык в борьбе, что я перенял от Петрика. Однажды сделалось удивительно тепло, и я, отогревшись у костра и ожив, достал Петрикову скрипку, не забыв проверить, как действует заклятие от излишней влажности. Эту скрипку, замечательную и очень дорогую, подарил Петрику мой папа, когда моему товарищу исполнилось тринадцать лет. Я играл о любви, о перелётных птицах и пёстрых листьях, о шуме великой Някки, о детских играх и взрослых танцах. Ко мне сбежались дети, болтающиеся без присмотра в окрестностях деревни. Я играл им, рассказывал истории, выцарапанные нашей

экспедицией из тьмы веков, и пиратско-таможенные байки. Особенно детям почему-то понравились рассказы о Телепателе, спасшем птичку, хоть он и остался при этом без подштанников. Тут прибежал Петрик с большой корзинкой и газетами и заорал издалека, вызвав восторг ребят:

– Миче на лодочке стих сочинял.

С лодочки Миче в речку упал.

Радостно булькнув среди тишины…

– С Петрика щука стащила штаны, – закончил я под хохот детей, только что выслушавших рассказ про птичку. А кто-то спросил:

– Это кто? Телепатель?

– Да.

– Нет. Сам такой!

Петрик потом ругал меня за излишнюю общительность и говорил что-то о конспирации и тайных шифрах, но таким уж я уродился: не очень люблю одиночество, не привык к нему. И, если я вижу рыдающего на берегу человека, доведённого до предела злой свекровью, то просто обязан погадать, обнадёжить и дать амулет на спокойную жизнь. И я тосковал по Рики и Лале. Поэтому, если на звук скрипки сбегаются дети, как же мне не повеселить их? И Чудила сам, между прочим, назвал меня по имени. После его прихода ребята начали позёвывать и оглядываться, и спрашивать друг друга и нас:

– Эй, а чего мы сюда пришли?

– Вообще не знаю. Дяденьки, вы чего хотели-то? Дорогу спросить?

– Не пора ли на обед, а?

И дети убежали, не попрощавшись. Вот она, благодарность за устроенный мною концерт.

– Уф, – выдохнул Петрик и опустил руку, которой он поглаживал золотую длинную пластину – семейную реликвию, которую всегда носит на шее. – Авось, не расскажут родителям, что нас видели.

– Я бы не поручился.

– Ты бы скрипку убрал и не приставал к людям, пока время не пришло отвлекать от «Комарика» негодяя и убийцу Воки Ловкача. Чтобы он за нами охотился, и даже не думал о холмах Иксаны, где осталось судно и все наши.

Да, план был именно такой: помимо всего прочего увести от оставленных нами товарищей беглого бандита, непременно желающего прикончить именно нас. В какой-то момент, ближе к Някке, мы больше не станем скрываться, а обвести вокруг пальца соответствующие службы поможет магия.

Дрожа от холода на реке, я мечтал о Нате, мечтал о нашей с ней спокойной и тихой жизни в моём новом доме. Как мы с ней вместе устроим наше хозяйство, украсим наши комнаты, что посадим в нашем саду, как будем ждать нашего собственного малыша… Я говорил с ней мысленно, хоть она оставалась всё дальше. Я писал ей письма, но передавать приходилось с оказией. Почтой мы с Петриком некоторое время не пользовались, опасаясь, что послания перехватят, а нас найдут по штемпелю. Тогда уж не жди покоя. Пока мы путешествуем по рекам, это нежелательно.

Сначала на воде была каша из снега, потом – тонкая корка льда у берегов. Тут, сильно запоздав, ударили морозы – и всё. Мы с Чудилкой продали лодку и купили сани и двух молодых мохнатых лошадок, выносливых при долгом беге. Глядя на карту, мы жмурились на расстояние, огромное даже на бумаге. В тоске разглядывали ниточки рек, которые нам предстояло пересечь, возвышенности, которые следовало обогнуть, города, обозначенные точками, и леса, даже в масштабе кажущиеся пугающе огромными.

– Мама моя! – вздохнул я. – Поехали, Чудилка, лучше уже ехать, чем на это таращиться.

В санях неожиданно оказалось теплее, удобнее и веселее. Мы даже пели песни, а иногда бежали рядом и кидали друг в друга снегом. И тут я понял, что снег – это здорово! Особенно, когда он на солнце искрится, когда инеем покрыты тонкие ветки, а в городках детский визг и радость от такой красоты, коньки и салазки, и вкусный запах дыма, и тепло хлеба, что только что из печки… Отклонившись на запад от маршрута «Комарика», мы стали останавливаться в домах и на постоялых дворах.

Мы вновь занялись торговлей, не опасаясь, что нас узнают в городах не нашей страны, в городах, далеких от больших судоходных рек. Было весело прикатить на базар на лошадках, украшенных лентами и бубенчиками, и громко предлагать свой товар: серебро, бусы, всякие украшения, платки, тёплые шали, красиво вышитые жилеты, меховые модные шапочки, рукавицы с узорами и мои амулеты. Всё радостное, яркое, привлекательное до невозможности – да, мы с Петриком умеем выбирать и предлагать товар! Это немного задерживало, но деньги были нужны. Мы здорово поиздержались на реке. И, помня о том, что мы члены краеведческой экспедиции, покупали и выменивали то, что положено. Записывали для Хрота дорожные рассказы, страшилки ямщиков и их песни, и легенды, сохранившиеся в этих местах. Теперь мы могли спать в тепле, а не дежурить по полночи у руля лодки, клацая от холода зубами и чувствуя, как сырость лезет за шиворот. Можно было бы сказать, что это тоже задерживает, но зато днём мы быстро двигались вперед, и не тратили по нескольку суток, чтобы отогреться и подлечиться. Порой на постоялом дворе подбиралась веселая компания, порой мы устраивали с кем-нибудь гонки. И этот запах снега и сена, и мороз, пронизанный солнцем, и леса, утопленные в сугробах, скорость и радостное возбуждение мне не забыть никогда.

– Как там наши? – вдруг спрашивал один из нас.

– Думаю, что нормально, – отвечал другой.

– Успеем ли?

– До конца весны? Конечно.

К чему успеем? Великая Эя! Что мы творим?

ГЛАВА 2. БОЛЬШАЯ ЗАГАДКА

В то время, как я размышлял о том, как сейчас противно и сыро в местах, что южнее этих снежных, блестящих равнин, какая там распутица и гадость, Петрик грустно глядел назад, туда, где за сотней рек осталась его Мадинка, и, делая вид, что шутит, говорил таковы слова:

– Тем не менее, пора сворачивать южнее, друг мой, увлеклись мы западным направлением. Говоришь, нам надо пройти через горы к Някке, нашей великой реке? Говоришь, только через Айкри? Ладно. Хорошо. Через Айкри. Но учти, Миче, я очень боюсь. Анчутка, Айкри – жуткое место, хоть ты надо мной и смеёшься.

Дело вот в чём. Я всё говорил для простоты, что наша экспедиция движется на север, но это было не совсем так. Следуя по нашей великой реке Някке из столицы на северо-восток, «Комарик» затем вошёл во Влот, текущий с севера. По его притоку мы снова взяли направление на северо-восток, а затем – опять на север. И так много раз. Теперь мы с Петриком с этого, очень, очень далёкого северо-востока спешили на запад почти по прямой с того места, где нас застигла зима. Прямая эта, однако, всё время немного отклонялась к югу, но так, чтобы мы не покинули области снегов. Из прекрасных морозных мест, совсем не хотелось выбираться на дождь и в распутицу. Ни к чему было из саней пересаживаться в сёдла и прекращать торговлю. Двигались мы в направлении побережья Крабового моря. Влот, текущий с севера, остался уже позади, мы перешагнули его в том месте, где на замшелом валуне в древнем лесу выбито в незапамятные времена: «Этот родник – начало великого Влота, отца славных рек». Някка, параллельная нашему пути, была слева, но невероятно далеко.

Рассматривались такие варианты. Первый: повторяя путь «Комарика», выйти к Някке и спуститься по ней до нашего города, успев до половодья. Или пройти её левым берегом. Всего лишь через снег и лёд добраться до не замерзающей части Влота, ну а дальше – верхом или лучше по воде. Только вот беда: в тех местах нас могут опознать. Чай, соответствующие службы не дремлют. И мы так измучились на холодных реках, что, поняв преимущество саней, решили с ними не расставаться как можно дольше.

Второй вариант: так и ехать на запад до самого морского побережья. Затем – в Някку по суше или по воде. Оно, конечно, но море зимой… Пустынные берега… И где-то там – расползшиеся по континенту пираты, понукаемые беглым Ловкачом мстить Петрику за своего вождя… И море у берегов может оказаться замёрзшим. Но даже и наплевать, мы, наверное, воспользовались бы той дорогой. Только возникало такое соображение: Воки Ловкач, узнавший, что мы с Чудилкой взяли курс на запад, натравит на нас все свои банды именно на побережье. Известные службы ради применения соответствующих мер также активизируются именно там, если до короля дойдёт весть о нашем побеге. Вот и хорошо. Вот и правильно. Пусть все, кому положено, ожидают нас именно там. Ежели что – море от нас никуда не денется с его побережьем, решили мы, двигаясь всё равно в том направлении и распуская слухи, что бежавшие с «Комарика» Миче и Петрик, разумеется, намерены добраться до края континента, поскольку это самая правильная в их положении дорога.

Третий вариант даже не рассматривался, поскольку ни в какие ворота. Резко повернув на юг, пробираться сквозь горы и перевалы. Почему бы и нет? А потому что горы зимой непроходимы. На перевалах лежит снег. Правый берег Някки мало обитаем, он обрывистый и скалистый, мосты на левый берег редки, в основном, у больших городов. На перевозах же нас опознать могут, да ещё попробуй доберись до них по скалам.

Пока мы приняли за основу четвёртый вариант. Четвёртый вариант – это пересечение горного массива прекрасным и широким путём, именуемым Айкри. Находится он, примитивно говоря, посередине между Влотом и берегами западных морей.

Что это за место такое, Айкри, что мы решили, будто там нас не станут искать и ловить?

Это широкая, извилистая, скалистая и лесистая долина. В этом месте горы расступаются, она делит их на две части. Айкри на древнем анчутском языке значит «большая загадка». Сразу скажу, что без крайней нужды посторонний человек не сунется в это место один или даже вдвоём, а предпочтёт летние горы и их перевалы. Берега западных морей или же водные дороги: Влот и другие реки. Однако, путь через Айкри настолько удобный, и настолько ориентирован на комфорт проезжающих, что здесь предусмотрели и это. Специальные люди формируют и сопровождают караваны из желающих пересечь горы этой дорогой. Подожди ночь или, в крайнем случае, сутки – и у тебя есть компания, и ты получишь большое удовольствие от путешествия через Айкри, по красивейшим местам. Путникам покажут достопримечательности, организуют обед и ночлег, даже развлечения, доступные для любого кошелька. После этого они будут считаться смельчаками: как же, были в Айкри. Но, с точки зрения путешествующих, настоящие смельчаки – это местные жители. Вот кто не боится свободно передвигаться по долине и ближайшим горам… вплоть до сумерек.

Я и Петрик, мы двое, на взгляд не посвящённых в дела моей семьи, не примкнём к другим людям, и сами не сунемся в долину, поскольку нас только двое.

От северного конца Айкри недалеко до границы с Акети. Южным долина упирается в великую реку Някку. За мостом – город Анука, третий по величине на реке, своеобразная столица Айкри. Когда-то он принадлежал долине, но перед Мрачными временами Някка внезапно сменила русло, и хорошо, что не слизнула Ануку с лица Винэи, а просто отделила её от Айкри.

Отчего же люди по возможности избегают такую удобную дорогу? Мне всегда казалось, что причина ничтожна и смехотворна, что её вообще не существует, и я потащил Петрика в этот проход, высмеивая её так и этак. Но признавая, однако, великую силу предрассудков, поверий и сплетен.

Всякое бывает в горах. Но несчастные случаи происходят в Айкри чаще, чем на других горных дорогах. Это от испуга. Испугавшись, путники, бывает, падают со скал и получают травмы. Люди, отбившиеся от караванов, и удачно нашедшиеся, рассказывают о чувстве страха, одиночества и незащищенности, налетающем вдруг. Это, я считаю, не удивительно. Если ты потерялся, чувство одиночества хочешь-не хочешь, налетит. Но дело в том, что всем чудились голоса, разговор или спор двух-трех духов, женское пение, похожее на шелест леса или журчание реки. Каждый отмечал, что видел отдельно летящие глаза, которые приблизились к его лицу и заглянули в душу. И слова: «Нет, не он». («Не она»). Поняв, что ошиблись, духи начинали сердиться, или смеяться, говорят, это очень страшно, хотя, не было ни одного случая, чтобы глаза напали на человека с целью причинить ему вред. Казалось, что духи быстро забывали о путнике и начинали беседовать о своём. Только разговоры чаще были похожи на пророчества, не всегда хорошие.

В Айкри дед нашей Лалы был предупреждён о рождении потомка, который станет позором рода и обесчестит славное имя Пагов тем, что принесёт в свой дом болезнь, несчастья, мёртвую воду и убивающий воздух. Поскольку у этого самого деда, тогда человека средних лет, был уже маленький сын, будущий Лалин отец, он решил, что речь идёт об отдалённом времени. Кажется, он единственный, кто осмелился заговорить с летающими глазами – и прославился именно этим героическим поступком.

– Могу ли я предотвратить это? – спросил он.

– Что сделаешь ты? – ответили ему. – Может предотвратить любовь и жалость. Может предотвратить бескорыстие. Может предотвратить сердце, полное тревоги не о себе. До времени нового выбора также потомков твоих.

– Кто? Когда? – всполошился предок нехорошего потомка.

– Знать бы… – взгрустнули отдельно порхающие глаза. – Знать бы, когда вернётся солнце.

И высказав такую дребедень, они унеслись в небо, где ярко сияла Ви с сестрой своей, голубовато-зелёной Навиной.

Захлёбываясь восторгом, Лала Паг пересказала эту историю Хроту, и тот всё аккуратно записал. Девочка слышала её из первых уст, лично от дедушки. В отличие от всех прочих, знающих легенду, обросшую лихими подробностями: завываниями, зубовным скрежетом, хватанием ледяными пальцами и речами, куда менее безобидными. Лала не задумывалась ни о каких потомках. Но Петрик, вечно полный тревоги не о себе, сказал голосом, полным жалости:

– Я знаю, Анчутка, этот потомок – Лалин папа, хоть он тогда уже и родился. Поймал бы я его и покрыл позором за то, что дочку свою не любит, за то, что бросил её на произвол судьбы. Ради чего, Миче? Вот помяни моё слово – ради корысти.

Оглянувшись, нет ли поблизости Лалы, Кохи сказал, что пока ещё ничего не известно, но о папочке складывается нехорошее впечатление. Кохи согласился с Петриком абсолютно, а я, хоть и был согласен, но ничего не ответил. Бывали случаи в истории, когда отцы бросали детей, опасаясь последствий их существования. Кто знает, может, родители посчитали Лалу тем самым потомком? Тогда я бы покрыл этого папашу ещё большим позором и словами, обидными чрезвычайно. Лала Паг – самое очаровательное и доброе десятилетнее существо в мире. Она и Рики, конечно. И Рики гораздо корыстней своей подружки. Весь в меня.

Так вот, об Айкри. Дела вынуждают людей, конечно, пересекать горы этим путём. Просто путешественники сбиваются в караваны, в одиночку не ходят и не ездят. Очень боятся темноты в Айкри, всегда стремятся к вечеру найти ночлег под крышей.

Загадочной славе этого места способствует то, что здесь с начала времён жили анчу. Они дали миру многих волшебников, а волшебство пугает. Гостиничный бизнес всегда процветал и был в почёте на этом удобном торговом пути. На поверхности, в анчутских домах, купцов и путешественников всегда ждали горячая пища и спокойный ночлег. За относительно умеренную плату. Постоялые дворы строились с таким расчётом, чтобы путник мог за полдня добраться от одного до другого. Количество слуг и охраны постоянно увеличивалось. Укреплялись стены, защищающие от горных разбойников и набегов со стороны Акети. А потом и от любителей погромов – Корков.

Народ в Айкри обитает боевой. Именно отсюда пришла помощь той осаждённой крепости у Идены, о которой я рассказывал. Анчу и сейчас живут в Айкри в больших количествах. В маленьких крепостях, которые по традиции часто зовутся постоялыми дворами. Странная привычка называть так городки с узкими улочками, с водопроводами, с жилищами, располагающимися в толще стен, словно в скалах. Крепостей в Айкри много, и они также похожи на постоялые дворы, как конь на землеройку. Раньше они защищали проход от вражеских армий, и не было надёжней защиты. Нет воинов сильнее и отважней, чем те, что выросли в Айкри. Эти люди мало верят в глаза и духов, не падают с возвышенностей просто с перепугу, способны пасти скот даже в сумерках и даже в одиночку. Ночью, однако, они тоже ни за что не останутся под открытым небом. Построят себе шалаш, найдут пещеру, зароются в землянку, залезут в дупло. А я – один из немногих ненормальных: лазил в темноте по скалам, улизнув от родителей.

Петриков белый конь по имени Сокровище, избалованный, как собачка, выращен в этих местах, и очень выносли в. По крайней мере, Чудилка так похваляется. Айкри дал миру ту борьбу, о которой я упоминал, и которой гнушаются те, кто вообще воротит нос от анчу.

Если бы нашей семье пришлось бежать из Някки, спасаясь от злобы анчуненавистников, мы переехали бы сюда или в Ануку. Сам я не раз бывал здесь с дедушкой, бабушкой и с родителями. Торговля в Айкри процветает, и тут у нас имеется кое-какая недвижимость – на всякий пожарный. Мы сдаём её за деньги. Одну недвижимость – семье только наполовину анчутской, другую недвижимость – семье совсем не анчутской… Таких здесь тоже полным-полно. Когда я перечислял замечательные качества жителей Айкри, я говорил обо всех.

Но как же они упёрты в своём желании всегда следовать старинным заповедям и традициям! Айкри – это вроде государства в государстве именно из-за нелепой привязанности здешних жителей к отвратительным пережиткам прошлого. До сих пор государи Някки не рисковали сильно вмешиваться в жизнь долины: будто бы так было договорено когда-то. За это жители Айкри очень уважают Охти, понимая, что никто, кроме них, не станет так носиться с приверженцами старых правил. Уважают нашего нынешнего короля особенно – за его интерес к истории анчу и главное, за то, что под его крылом мой народ уже много лет живёт спокойно, оберегаемый специально принятыми законами. Что? Поподробнее о традициях? С удовольствием.

Местные традиции сильно отличаются от традиций прочих областей и не всегда хороши. Иногда даже крайне плохи. Я скажу вам, почему. Никто, ни анчу из других мест, ни любые другие племена и народы нигде никогда не имели обычаев, таких, как у анчу из долины Айкри. Потому, что в очень доисторические времена, как сказал бы Петрик, здесь некоторое время не почитали светлую Эю. Почитали омерзительно жестокое божество, который претендовал на руку покровительницы. Самоуверенное и самовлюблённое порождение гнусности. Он умудрился одновременно посвататься и к средней сестре, терпеливой Наи, или Навине – она в ту пору была не замужем. Но Эю именно поэтому называют разумнейшей: за отвратного типа она не пошла, хоть и увлеклась поначалу. Тип был красавцем, и две другие сестры, Навина и замужняя Ви, влюбились до потери сознания. Ну и получили, на что напрашивались. Судьба первой оказалась очень несчастливой. Забитая, запуганная и униженная, она терпела, терпела, да и сбежала от мерзости, чтобы начать новую жизнь. Тогда брошенный супруг проклял её, проклял женскую тягу к независимости и счастью и стал подбивать клинья к старшей сестре. Дурочка закрыла глаза на несчастья Наи, обвинила ту в нехорошем отношении к мужу, бросила собственного супруга и, сломя голову, ринулась замуж за того, кто слыл убийцей собственных дочерей. Ну и погибла в результате. Планета Ви необитаема, как вы знаете. А когда-то на ней кипела жизнь, и лучшие волшебники, даже первые волшебники, именно оттуда. Всё время гнусное создание домогалось младшей из сестёр, разумной и осторожной Винэи, которую мы Эей зовём. Добился он лишь того, что Радо, её избранник накостылял негодяю по шее. Можно сказать более возвышенно: победил в честной борьбе при содействии своей отважной невесты. Победил и хотел убить, как того заслуживал злобный божок. А тот был хитрецом, извернулся и сбежал, и скрылся в тайной дыре Вселенной, но был обнаружен. Разумная Эя не позволила будущему супругу ввязываться в новую битву, потому что тот был утомлён и ранен, и она не хотела его лишиться. Сама она тоже не могла сражаться, потому что знала, что в одиночку ей не одолеть мужскую агрессивную магию. Мало того, во время бегства преследуемый преступник умудрился узнать одно из сильнейших заклинаний защиты, и теперь был неуязвим. Но Эя наложила на тайную дыру заклятие невероятной силы. Мучитель её сестёр не мог отныне покинуть место своего добровольного заточения. Однако, пребывание в тайной дыре, как говорят сказания, не настолько вредно для здоровья, как хотелось бы. Когда-нибудь злодей наберётся сил и покинет его, сломав заклятие Матери Предсказаний и все преграды. Или найдётся тот, кто случайно или намеренно освободит божество. Тогда жди беды и конца света. Гнев негодной твари обрушится на дом Эсьняи, матери Трёх Сестёр, на уцелевших детей Ви, на непокорную Навину, на потомков разумной Эи. Если только к тому времени она и её супруг не обретут достаточно сил для нового сражения. Не найдут заклинание более сильное, чем то, которым сам себя защитил их противник. Сказано, что добрая Эя не будет знать покоя в страхе за детей и внуков, опасаясь возвращения своего врага.

Порой я думал: каково ей, моей покровительнице? Наверное, также, как и мне, безумно боящемуся за Рики. Вы помните, я рассказывал. Когда я был мальчиком, то, придя в храм, говорил с Эей мысленно, уговаривал её не бояться – ведь заклятие наверняка очень сильное, а в мире не водится таких дураков, которые занялись бы вызволением монстра. Так меня

самого уговаривали взрослые, надеясь, что я перестану бояться. В легендах говорится, что избавит Эю от страха её потомок или потомки, которому или которым она лично вложит в руку частицу света своей души. Конечно, он должен быть хорошим человеком, иначе не пройдёт испытаний, положенных герою. Мама и папа объяснили мне, что это сказка, только я некоторое время мечтал, что этим избранным буду я, а лучше, если мы с Лёкой, Петриком и Натой – так веселее. Потом я понял, что большинство мальчиков и девочек мечтают об этом, так что куда уж мне. Наверное, это взросление. Мальчиков и девочек всегда удерживало от подобного подвига незнание точного адреса тайной дыры Вселенной.

Однако, отвлёкся. По непонятной причине, у убийцы нашлись почитатели. Хотелось им, как это обычно бывает, власти хотя бы над Айкри. Они заполонили долину, разрушили храм Радо и создали свой. Установили свои порядки. Власть их держалась на запугивании. А также – на принижении женщин, даже, прямо скажем, на издевательствах над ними. Почитание преступника противно человеческой натуре. Молодые герои, волшебники Асет и Арик, побывавшие, вопреки запретам, за пределами Айкри, подняли бунт. Людей, прибравших к рукам власть в долине, связали и скинули со скалы в речку Ануйку. В Айкри вернулись к почитанию светлой Эи.

Вернуться-то вернулись, а традиции остались. Потому что выгодны они были мужчинам, а мужчины, как вы понимаете, сильнее женщин, и всегда настоят на своём при помощи кулака. Например, только недавно в Айкри пришли к признанию, что женщина тоже человек, и, так уж и быть, имеет некоторые права. Власть отцов и мужей над дочерями и жёнами раньше была неограниченной, а порой ужасающей. Время от времени Някку потрясали громкие судебные процессы над мужчинами, ошалевшими от безмерной власти в кругу семьи и озверевшими от вседозволенности. Разводов в Айкри не признавали вплоть до особого королевского указа.

Тихо-тихо, чтобы не слышали их старики, бабушки рассказывали внучкам, что на самом деле Асет была женщиной, любимой женой волшебника Арика, только: «Тс-с, никому не говори, об этом запрещено помнить». Памятник этим двоим огорчает того, кто знает: мало того, что Асет изображена в мужской одежде, с мужской причёской, так ещё невозможно угадать под широкой рубахой и жилеткой никаких женских признаков. Ладонь Арика вскинута вверх в Жесте, Образующем Свет, Асет просто стоит с луком в руках. Женщинам Айкри под страхом смерти запрещено колдовать. Если девочка рождается волшебницей, это считается позором. Ей следует вести себя тихо и постараться быстрее выйти замуж, чтобы забыть о глупостях.

И вот тут-то наблюдается наш семейный конфликт: некоторым моим двоюродным и троюродным сёстрам, а также тёте, папиной младшей сестре, никогда не бывать в Айкри. Хотя, тётя, например, увлечена магией менее всех в клане. Разве что заклятия, касающиеся укладки волос да румянца на лице её интересуют всерьёз. Да ещё – чтобы туфли не жали. Вот поэтому Аги однажды покинули свою древнюю родину: из-за девочек, рождённых волшебницами.

А я как раз отношусь к тем, кто знает, кто такая Асет и кто такой Арик, потому что мы с Рики – их прямые потомки по отцовской линии. То есть фамилия Аги досталась нам именно от Арика, и наш папа, единственный сын в большой в семье, носит имя в честь прославленного героя. Заходите как-нибудь ко мне на огонёк, я вам расскажу не только об Арике и Асет, но даже и об их родителях, живших в Доме Радо, и даже, немного совсем, о бабушке Асет, известной в своё время предсказательнице и волшебнице. Нет, даже сейчас расскажу. Бабушку Асет вызвал на магический поединок глава почитателей чёрного божества. Тогда ещё никто не знал, что он задумал захватить власть в долине и навязать её обитателям свою религию. Негодяй был молод, его совсем никто не знал и не видел раньше в Доме Радо, в красивом городе, куда он явился на осеннюю ярмарку. В первый же день моя прародительница обвинила его в том, что он принёс в Айкри беду, потребовала изгнать его из долины. Тот же спровоцировал её на скандал и ссору, разрешить которую мог только поединок. Таким образом этот

человек избавился от той, что могла разоблачить его и разгадать его планы, а заодно продемонстрировал собравшимся превосходство мужской магии над женской и узаконил убийство.

Для женщин Айкри всё начало меняться вскоре после того, как мои родители окончили университет. То есть, около двадцати лет назад. Что значит такой срок для истории? Обитательницы долины должны сказать спасибо нынешним королю и даже, скорей всего, королеве, за то, что те не побоялись, как их предшественники, вмешаться в замкнутый мир Айкри. Порушить древние, как горы, устои – это непросто. Но, наверное, давно назревали перемены, потому что всё происходило гладко. И никаких смут, никаких переворотов. В Айкри признавали власть, обожали Охти – и эта любовь объясняла то, что жители долины всегда шли навстречу их реформам или чему бы то ни было. С оглядкой, однако, на свою самобытность.

Потому я и утверждал уверенно, что все слухи и страхи вокруг Айкри – это память о тех временах, когда долина жила обособленно и поклонялась чуждому нам божеству.

И, между прочим, в Айкри при входе и выходе, на склонах, на жёлтых плитах, высечены надписи: «Всяк ступай свободно до некой поры. Здесь ожидают того, кто надвое страх и судьбу разделил и спор двух сторон разрешит, когда солнце вернётся. И рассудив, кто прав, определит судьбу того, что осталось. Так сказала владычица Нтоллы, ныне безлюдной».

Видали? Что это значит? Вот потому-то и Айкри, Большая Загадка. Одно могу сказать: Нтоллой звалась та часть подземной империи анчу, которую мы с Рики и Мальком посетили в поисках амулета Сароссе. Горы, что ближе к морю на другой стороне реки Някки.

Вокруг этих надписей кочуют миллионы преданий, главная тема которых: страшно. Тут и черные силуэты, и белые скелеты, и говорящие летучие мыши, и привидения, и солнце, вытворяющее странные дела на небе. Но я уверен, всё это выдумки, тем более, и Хрот так говорит. Честно говоря, нам с Чудилой было всё равно, кого где ждут, и что тысячу лет назад сказала владычица ныне безлюдных пещер. Главное, чтобы наши белые скелеты не присоединились к здешним говорящим летучим мышам.

Ухохатываясь над предрассудками и рассказывая о том, как лично я лазил в детстве по горам, ближайшим к нашей семейной недвижимости, специально надеясь на встречу в темноте с порхающими глазами, я столкнулся с удивительным явлением. Просто с чем-то, уму непостижимым. Оказалось, что Петрик до дрожи боится самого слова «Айкри». Что он движется в том направлении только потому, что я заверил его, что всё хорошо будет. Что это самый лучший путь в нашем положении, нельзя этого не признать. Что обстоятельства таковы, что признать необходимо. Что только необходимость вынуждает Чудилушку следовать за мной.

– Ты что? Ты не боялся пиратов! – поражался я. – Ты не боялся пиратской мести. Ты даже мечтаешь об инспекции, которая уж точно не может для тебя кончиться хорошо. Ты прошёл полконтинента! Да что уж там! Ты лазил спасать Лалу в пещеры анчу и при этом не думал о привидениях.

– То пираты, а то глаза летающие. Да ещё предсказывают чего-то, – жаловался Чудилка.

Я понял. Именно предсказаний он и боялся. Меня не провести разговорами о глазах. Вспомнив о Лалином дедушке, я решил, что понимаю. Петрик хранил чужую тайну, и он боялся, что её выболтают при мне.

Но Чудилушкин страх никак не отравлял нашего путешествия. Он с радостью поддерживал весёлые разговоры, пустячную болтовню, дела, приносящие прибыль, и смешные затеи. Только следил, чтобы ничто не мешало нашему продвижению на запад и не задерживало в пути. Он торопился и нервничал и порой не спал ночами, но, встретившись с ним на постоялом дворе, вы никогда бы не заметили этого. Замечал я, потому что тоже переживал и спешил. Потому что знал Петрика, как себя самого. Потому что видел, как порой он сосредоточенно глядел на белый, пушистый и блестящий зимний путь, ныряющий под сани, и кусал губу. Бедный Чудилка, рядом с которым не было никого, кто мог бы ему посочувствовать. Никого, кроме меня.

Всё ближе было то место, где мы должны были повернуть на юг и взять курс на Айкри и дивную Някку, струящуюся за ним.

ГЛАВА 3. КРОВЬ АНЧУ

– У тебя шов на рукаве разошелся, – сказал Чудила. – Потом возьми у меня заколдованную иглу.

Я закатил глаза. Он допёк меня заклинаниями из кулинарной книги. Помните, из той, в которую волшебница анчу, пережившая Мрачные времена, записывала заклинания, полезные в быту, и правила использования солнца Миче. Петрик не выпускал древний дневник из рук и постоянно упражнялся. В университете мне внушили, что бытовая магия – низшая супень волшебства, и я немного посмеивался над Чудилкой. Теперь у нас, кроме иглы-самошвейки, были нож-саморез, топор-саморуб, пила-самопилка, скатерть-самобранка, чайник, перемещающийся в пространстве, самозастегивающиеся пуговицы и самозапрягающая сбруя. Предметы, потерянные для общества. А вы стали бы пользоваться на людях всем этим «само»? Вопрос: чем занимались волшебники анчу в свободное от застегивания пуговиц время?

– Придумывали новые заклинания для улучшения жизни. Я же придумал. – Чудила страшно гордился тем, что изобрел самосморкающий носовой платок. Я понял: он, наконец, нашел свою нишу в магии.

Мы остановились в последнем городе перед тем, как свернуть к югу. И здесь нас пригласили на свадьбу. Мы не гнушались никаким кратковременным заработком. Тут мы представились музыкантами. Я говорил? Чудила восхитительно играет на скрипке и ещё примерно на шести инструментах. Я же – только на скрипке, флейте, губной гармошке, ныгве и чирте, и тут могу составить конкуренцию Нате. Всякие дудочки для меня баловство, но вы бы слышали, как они звучат в руках Лёки Мале! А если что – я и на ударных могу, но тут до Рики мне далеко – он учился у нашего садовника. Говорю же, у нас замечательный квинтет, но сейчас мы обходились дуэтом. Едва пересев в сани, я купил себе чирту.

– Эй, музыканты, давайте, давайте!

Ну, мы и дали!

Мы что-то развеселились сегодня и разошлись так, что просто

дым коромыслом. Красивый дом, красивая невеста, приличный жених, веселые гости, тепло и отличный стол. Я думал: а если вот наша с Натой свадьба, и она – в свадебном платье… Наверное, Ната выберет ярко-жёлтое или красное, а я, сам лично, сделаю ей ожерелье – оберег из золотого мерцила… Эти редкие камни обещаны мне конкурентами, ювелирами Кренстами, осенью я в письме подтвердил заказ. Я представил, как наши мамы и папы радуются за нас, а Рики прыгает от восторга… Интересно, Лала ему нравится как подружка, или как… Хм, как девочка? Я так задумался о загадках любви, что не сразу разобрал, что нам говорит один из гостей и отчего у Чудилы такой странный вид:

– Эй, анчу, вы что, братья, да?

– Да, – радостно подтвердили мы с Чудилой. Я вам рассказывал уже: незнакомые люди, бывало, принимали нас за братьев, и мы часто отвечали именно так.

– Что ж такие разномастные-то? От разных пап, поди?

Мы с Петриком переглянулись.

– Ты пьян, Дод, отцепись от музыкантов. Играйте, ребятки. Если что, мы его вышвырнем.

– Это пьяница Дод, – говорили нам. – Жена от него ушла к другому – вот он и обижает всех. Ушла она к парню из анчу.

Дода увели, но он вернулся.

– Нет, я желаю знать, отчего вот ты, – он показал на Петрика, – не белёсый и не белоглазый.

Хозяйка дома, подскочив, сказала:

– Дод, он вообще не анчу. Они не братья. Мы спрашивали уже. У них вообще родители разные. Совсем.

– Э нет, я что, сходства не вижу? Что, я не угадаю примеси

анчутской крови? Гляньте, у них родинки на мордах одинаковые. Точно говорю, мамаша их…

Петрик перестал играть. Я тоже. Я ещё надеялся уладить дело миром и сказал:

– Мы ровесники, ты, удод. Между нами разница в неполных три дня. Вы хотели его вышвырнуть? Давайте, я помогу.

– Папочка, прекрати это, – попросила новобрачная. – Давайте танцевать.

– Нет, – влез кто-то. – Он хочет побить Дода. С какой стати всякие анчу отбивают наших женщин и распускают руки?

– Или мы спокойно играем или уходим, – заявил Петрик. – Никто не имеет права оскорблять при мне Миче. Я предупредил в первый и в последний раз. Не надо портить праздник.

Задир пытались утихомирить, а Дода вывести, но он влез через кухонное оконце.

– Эй, ты, – перекрыв музыку, крикнул он Петрику, которого отчего-то невзлюбил больше, чем меня. – А как называют человека, который отрекся от своей крови и своего народа? Такого, который с ним родства не признает?

Слово, которым называют таких, это то ещё слово. Рука Петрика метнулась к поясу, но сабли на нём не нашлось. Кто же на свадьбу с саблей приходит? Тогда он пошёл на этого Удода со смычком, и гости, видя выражение его лица, молча отошли в стороны. Омерзительный Дод понял, что ему конец. Он скукожился, засучил ножками и попытался вылезти в то же окошко, но Петрик приставил смычок к его шее. Дод заскулил с перепугу.

– Петрик, – позвал я, но он меня не услышал. Я вообще впервые видел его таким. Чудила зарычал, подобно разъяренной Чикикуке.

– Слушай ты, который не в силах удержать при себе женщину, я не отрекался от своего народа, и о том, что во мне есть кровь анчу, говорю при всех. А у тебя – не кровь, кое-что другое. – Смычок оторвался от шеи дурака и указал на его мокрые штаны. Послышались робкие смешки.

– Вон! – приказал Петрик, и Дода как не бывало. Коротко и ясно. Чудилка обернулся к остальным и повел смычком. – Кто-то что-то хочет тоже сказать про анчу или про мою маму? – Желающих не нашлось. Чудила сунул скрипку в подмышку и повернулся к выходу: – Идем, Миче.

Но хозяева и гости стали уговаривать нас остаться и играть и не обращать внимания на всяких пьяных ненормальных. Отходчивый Петрик перекусил, выпил немного – и продолжились танцы. Моё настроение было совсем испорчено. Я понимал: добром это не кончится.

*

Мы возвращались на постоялый двор поздно-поздно. Издалека доносились голоса разбредающихся со свадьбы гостей, ленивый перебрёх собак, а за пределами города, между прочим, выли волки.

– Видишь, – рассуждал Чудила, – в девках они все ходят простоволосые. Есть время мыться и следить за собой. Грязной

работой девушки не очень занимаются, их дело по гулянкам носиться. – Он взмахнул футляром со скрипкой. – Потом начинается: злая свекровь и в хлев пошлет, и в курятник, и прочее, и прочее. А косу бесконечную стирать и сушить некогда лишний раз: дети, хозяйство…

– Да, – сказал я. – Хрот говорил уже. Оттого-то голову платком прикрывают, чтобы не пачкались волосы. Чтобы грязные, да седеющие, да лишний раз не расчесанные были не видны. Стыдно же: вроде нормальное платье, а на голове жуть какая-то. Лучше платок. Тяжела судьба крестьянских женщин.

– Я бы не сказал, что очень, – продолжил Петрик, когда я замолчал. – Платки красивые. Ты знаешь, я маме в подарок купил. Я что попало не куплю. Да и полно всяких прочих головных уборов. Но! Женщинам, часто моющим волоса, приходится нелегко. Им от платка не избавиться. Во-первых, злая свекровь не даёт пользоваться краской для волос – это очень обидно. Бывает, волосы седеют рано. Но свекровь не может допустить, чтобы невестка закрасила седину и красивой была. Это раз. Во-вторых, глупые мужчины ревнуют и не хотят, чтобы другие мужчины видели непокрытые красивые волосы их женщин – это два. В-третьих – предрассудки. Ношение платка для крестьянок – это уже священная традиция. Но откуда она пошла, а Миче? Оттуда и пошла – из быта, как все прочие традиции. Даже очень священные. Такая была бытовая необходимость, под давлением злой родни ставшая… чем я там говорил? Чем-то там. Это три.

– В-четвертых, Хрот всё это уже рассказывал – это четыре, – прервал я поток Петрикова красноречия. – Ты напился, да, Чудила?

– На работе я разве пью?

– Сегодня – да. Но это ничего. Я понимаю, у тебя был стресс.

– Ну, давай, наругайся на меня, Миче. Я всё жду, что ты на меня накричишь, а ты всё никак.

Я горестно вздохнул и сказал ласково:

– Спятил ты, не иначе. Почему мне надо на тебя кричать и ругаться? Я вообще когда-нибудь на тебя ругался? Не чуди.

– Вот сейчас ты кричишь, – жалобно проговорил Петрик.

– Так есть за что. Сказать мне такое! Будто я стану ругаться! Сколько раз мы дрались из-за этой анчутской крови! Постой! – дошло до меня. – Мы дрались из-за МОЕЙ анчутской крови, не из-за твоей. Ты анчу, Петрик?

Он даже остановился, и глаза его стали больше планеты Ви.

– Удивляюсь тебе. Ты не знаешь? Все знают, а ты – нет? Да почему?

Я обошел его и покрутил перед собой в свете фонаря.

– Ну ты не похож! И кто знает?

– Не знаю. Может, мама и папа? Миче, чёрт возьми, ты откуда такой свалился? Даже Корки знают. Да, они знают много-много чего. Но ты не болтай. Всё-таки, это тайна от всех посторонних. Самая большая. Огромная. Очень. С другой стороны, совсем незначительна примесь эта. Вот такусенькая. А Корки – они сами такие. Сами знают.

– Сами знают… – протянул я. – Постой, что написано у тебя в документах? Что там написано?

Петрик опустил глаза.

– Там другое написано.

– Другое?

– Да.

– Твоя фамилия не Корк?

– Нет. Ты уже спрашивал. Только видишь ли, в чём дело, Миче. Давным-давно, ещё до Мрачных времён, в наши эти… как их?.. родословные? Нет, родословные – это у кошек. Короче, затесался один общий предок. Женщина. Так что, выдав Охти и моих родителей, Корки выдадут себя. Тс-с! В тайной дыре дворца спрятаны документы. Но ты должен молчать.

– А ты, значит, знал об общем предке ещё до истории с Воки?

– Конечно, Миче! Но то, что Воки Коркин сын, я не знал. Никто не знал. Честно.

– А! Я понял! – дошло до меня. – Чудак, ты не должен чувствовать себя виноватым. Если твоя семья в родстве с королевской семьей, она должна скрывать, что в вас кровь анчу. Королём не может стать потомок анчу, и родственников таких он иметь не имеет права. Ну, дела! Корки сами чуть-чуть анчу! У них, стало быть, затесался в родословную общий с Охти предок. Как

это они так оплошали несколько столетий назад? – я рассмеялся. – Петрик, так вражда родов Охти и Корков – это просто древние семейные разборки. Вот почему Корки считают, что им тоже позволено взгромоздиться на трон. Ладно, я понял. Никому не скажу.

– Да. Вот такая передряга.

– Ты не должен никого осуждать. Пусть будет так. Хорошо, что ты на анчу не похож. Ну, может, разве что, когда бледный и замёрзший, похож.

– А то бы что? – глаза Петрика нехорошо блеснули.

– Ну… Я не знаю, – забормотал я, вдруг сообразив, куда он клонит и почему он был так сильно расстроен тогда ночью, когда мы передали Воки полиции.

– Думаешь, меня бы не отдали кому-нибудь на воспитание? Или даже что-нибудь похуже?

Я не понял, что может быть ещё хуже, но сказал:

– Твои родители, и вообще все, тебя любят, Чудилка. Радуйся, что тебе повезло.

– А если бы я родился таким, как ты?

Вот тут я встал в тупик.

– А что у вас в семье делали с такими, как я?

– А я не знаю, – с вызовом сказал Петрик, но было понятно: знает.

А я предпочел не спрашивать больше. Но подумал: отданному на воспитание ребенку может и повезти. Смотря кому отдать. Родители могут проявить заботу, подыскать хороших людей, да и потом не бросать по жизни.

– Петрик, – спросил я, – а почему ты всё это знаешь? Твоя семья должна соблюдать тайну, хранить её в первую очередь от тебя.

Он покачал головой:

– Приходит время – и детям нашей семьи рассказывают всё. Всем без исключения. Всю правду. Пока они ещё… Как бы это сказать? Чтобы они подготовились к тому моменту, когда захотят создать семью.

– Зачем?

– Ну, Миче, ну пошевели мозгами. У меня запросто может родиться беленький ребеночек. Особенно, от Мадины Корк.

– Мама!!!

– Да не ори!

– У тебя?! И что? И как? И куда ты его денешь?

Петрик вдруг развеселился и засмеялся:

– Я отдам его тебе, Миче. Поскорее женись.

Я стоял там, посреди улицы, как заместитель фонаря. Я разевал рот, как голодный птенец. Петрик продолжал изгаляться:

– Разве ты откажешься? У тебя кого только нет. Коркины дети в полном составе и Инара Чикикука.

– Ты знаешь про Инару? – ахнул я.

– У меня же есть уши. И мозги. И глаза. Если я попрошу, ты примешь моего ребёнка? Ты и Ната, вы согласитесь?

И я ответил:

– Клянусь тебе, что да. Мы всё продумаем заранее, разыграем, как по нотам. Не беспокойся. Вашего с Мадиной ребёночка мы будем любить, как своего. Мы никогда не запретим вам с ним общаться. И, если у вас родятся другие дети, пусть они дружат, если вы захотите.

И Чудила сел прямо в сугроб под фонарём и закрыл глаза. Я вообще не понял, что это с ним и чего это он. Я тряс его за плечо и звал, но он не отзывался, и сидел так довольно долго совсем безо всяких эмоций. Тогда я решил, что он умрёт прямо сейчас от разрыва сердца, от жалости к своему ребёночку. Я ещё раз сказал ему, что буду любить малыша. Я же хорошо обращаюсь с Лалой Паг. Что если он сейчас же не прочухается, я позову доктора. Чудила

встал, и как-то так, безо всяких объяснений, пошёл вперед с закрытыми глазами. Я поймал его за капюшон и потребовал их, угрожая затрещиной. Тогда он вытер сухие глаза, посмотрел на меня и сказал шёпотом:

– Спасибо, Миче.

– Не могу я с тобой, Чудилка!

– Надо скорей ехать, Миче. Я домой хочу, – также тихо говорил Петрик. – Давай подерёмся с Додом? Сам же сказал, что нас бить придут. Идём.

– Чудила, стой! – крикнул я, потому что он затрусил по улице со скоростью нашей лошади. – Стой! Я обидел тебя? Петрик, давай поговорим. Что я тебе сделал? Прости меня! Только к чему ты мне всё это рассказывал?

– Пьян был, – объяснил он. – Я виноват. Извини. Такой вот бред пьяного Чудилы.

– Что конкретно бред? – без посторонней помощи я не додумался бы никогда. Но вместо того, чтобы ответить на мой вопрос, Петрик воскликнул:

– Ох, я им и задам сейчас! – и побежал вперед.

Ясно. Бить нас уже пришли, и Чудиле надо было подраться, чтобы выпустить пар. И он хотел бы замять наш разговор, и чтобы я всё забыл или хотя бы сделал вид, что у меня отшибло память.

Ладно. Я сделаю, если он так хочет.

ГЛАВА 4. СОЛНЦЕ МИЧЕ

– Ага! А ну-ка! – завопили мы, врываясь в нашу комнату. Со двора видно было, что в ней зажёгся свет, а значит, явились незваные гости.

Вопреки ожиданиям, в нас не полетело ничего тяжелого и ничьи руки не потянулись нас схватить. Зато наши уже крепко держали двоих, и одним из них был хозяин гостиницы.

– Вы что, ребятки? – хрипло спросил он, потому что Петрик его слегка придушил. Но после этих слов выпустил и даже усадил на стул. Я же заорал с утроенной силой, потому что парень, попавшийся мне, оказался анчу, и я сгоряча подумал, что поймал зеркало. Он тоже заорал, а в коридоре захлопали двери и раздались возмущенные и сонные голоса. Петрик со смехом сказал:

– Отпусти его, Миче, это не Дод.

– Никакой я не Дод, я как раз тот, – подтвердил анчу.

– Тот – это который? – решил уточнить я.

– Тот – это имя, – обиделся он. – А вообще, я тот, к кому ушла Додова жена.

– А-а-а! – протянули мы, и я его отпустил.

– А что ж это она так: от Дода – к Тоту? Чтоб легче запомнить было?

– Ты, Миче, послушал бы лучше, чего он пришел, – проговорил хозяин и добавил: – Это я ему посоветовал. Волшебники же вы.

– Мы? – попробовали отбрыкаться мы. Да как бы не так.

– Я у вас видел ложку самомешающую и самотыкающую вилку. – (Кошмар какой! Это что-то новенькое. Я незаметно показал Чудиле кулак). – Я подумал, что раз вы волшебники, и раз ты, вот ты, – хозяин показал на меня, – тот самый Миче из Някки, то можете Тоту помочь.

Я показал Чудиле два кулака.

Допрыгались. Весть обо мне разлетелась аж по сопредельным странам. Также легко она сейчас дойдет до нашей столицы. Мы бормотали что-то о том, что не такие уж мы и волшебники и не так чтобы из Някки, но упрямый хозяин заставил нас идти с Тотом, хотя в такую пору нормальные люди спят. Сам он тоже отправился с нами. Эти двое толком ничего не объяснили, пообещав, что мы сами увидим и всё поймём. И непременно захотим помощь оказать.

– Ладно, – бормотал мне на ухо Петрик. – Всё равно утром спали бы дольше, чем обычно. Невелика задержка. Подумаешь! Помочь надо человеку.

– Надо, – согласился я. – Но надо же знать, что стряслось у человека. Вдруг у него дома засада?

– Думаешь, Дод пришел к Тоту и, угрожая оставить у него свою жену навсегда, велел притащить нас под любым предлогом? Сейчас всё узнаем, Миче, друг мой. Другой вопрос, сможем ли что-нибудь сделать?

– Погадать, наверное, надо, – наивно предположил я, на что Чудила лишь хмыкнул. Пока он хмыкал, я разговорился с Тотом и проникся к нему большой симпатией. Местным фотографом оказался Тот, а я, как вы знаете, очень неравнодушен к этому искусству. Мы рассуждали на ходу о способах фотосъёмки, а я приглядывался к возможному клиенту. Сколько ему лет? Я специально спросил. Тот сказал, что тридцать. Не может быть. Либо он значительно старше, либо сильно болен.

Едва войдя на Тотов двор, я понял: ой как здесь неладно! Пока я не мог определить, что мне так не понравилось, но сразу стало ясно: гаданием тут и впрямь не обойтись.

В такую поздноту горел свет, и из дома доносился истошный плач младенца. В сенях под лестницей скулили маленькие щенки.

– Слышите, что творится? – спросил хозяин гостиницы. – И вот так у них тут круглые сутки. Додовы проделки, не иначе.

– Почему Додовы?

– А чьи ж? Поди заплатил бабке какой, да и порчу навел.

– Разберемся, – кивнул я. Ох, что мы с Чудилой сделаем с этой бабкой и с этим Додом, если это так!

Жена Тота оказалась маленькой и худенькой-худенькой. Такой же бестелесной была старшая девочка – дочь Тота от первого брака.

– Ты что не спишь? – спросил я её, едва войдя в дом. Дети, ночью бегающие по кухне – это ненормально.

– Так Киса ж плачет, – объяснила девочка со слезами на глазах. Это понятно. Если бы мой Рики так надрывался в младенчестве, я бы умер.

– Чего она плачет? – пожелал знать я.

– Он, – поправил меня ребёнок. – Киса – мальчик. Никто не знает, что он плачет. Вроде здоров, а слышите, как ревёт. А летом всё нормально было. А зима началась – и пожалуйста.

– Простудился, – поставил диагноз Чудила. – Но мы не врачи. Только царапинки, зубы…

– У меня болит зуб, – сообщила девочка. – Болит и болит, но дырки нет. А Киса здоров. Тут уже все врачи были. Не простужался он.

Я покачал головой.

– Детка, есть такие болезни, которые просто так не заметишь. Надо обследоваться, в больнице, например.

– Лежали и в больнице, – мрачно поведал Тот. – Ничего не нашли. В больнице сын не плакал. Всё время спал. Галя тоже спала. Поправилась, такая шустрая стала. – Он показал на дочь. – Жена в этот дом возвращаться не хотела, говорит, плохой дом, да и я уж так думаю. Я жену взял нормальную, в смысле веса, румяную на лицо, а видите, что с ней стало.

– Устаёт? – предположил Чудила.

– Само собой. Ноги вообще уже не таскает, да и я слабый какой-то. И так оно каждый год, как холода наступают. И даже просто, как дни укорачиваются, – добавил он шёпотом.

– И сколько лет уже? – тоже шёпотом спросил Чудила.

– Чуть меньше, чем за год до того, как моя первая жена умерла, да ещё с тех пор скоро три года будет, – тихо говорил Тот, пока его жена сморщенной, как у старушки, прозрачной рукой метала на стол всякую снедь. – К тому же, у нас в округе нынче много таких домов. Поэтому я и думаю: это не Дод порчу навел.

– А кто? Первый муж твоей первой жены?

– Не было у неё первого мужа, – обиженно засопел хозяин дома. – Померла она тоже зимой. А летом у нас всё нормально. А как холода – у нас собаки мрут. Вон, у Юськи щенки, как пить дать,

передохнут.

Говоря так, Тот опасливо косился на Галю. Чтобы она не услышала и не заплакала.

На стене висел портрет Тота, фотография с датой в уголке. Выходило, что ещё совсем недавно, он был красавцем. Не было шелушащихся пятен на щеках, глаза горели молодым задором, кудрявые волосы непокорно топорщились и блестели. Не был он похож на высохшего старичка, что каждый шаг делает с усилием. Просто первым парнем на деревне был Тот. Сейчас его внешний вид вызывал жалость, а раньше – восхищение. К плечу Тота на портрете прислонялась хорошенькая девушка, полненькая, с ямочками на щеках, с косой, толщиной в руку, и со счастливой до невероятности улыбкой. Я, было, подумал, что это Галина мама. Но нет. Оказалось – Тотова вторая жена, её мачеха. В голове не укладывалось, что человек мог измениться до такой степени, просто до неузнаваемости.

Мы с Чудилой оглядели Кису и испуганно переглянулись. Если бы мой Рики в младенчестве был таким тощим и заморенным, если бы на запястьях и у губ у него были такие нарывы, я бы… Ну да вы знаете.

– Такие болячки у ребёнка, а врачи говорят, что здоров? – возмутился я. – Ему же больно! Вот он и плачет.

– Болячки недавно появились, а беспокойным он был и раньше, – вздохнула несчастная женщина. – Врачи сказали, что грязь попала и воспаление сделалось от слабости организма. Мазь выписали. За три дня ни капли не помогло.

– Петрик, – шепнул я, отведя его в сторонку. – Помнишь, в твоей книге есть заклинание от беспокойства младенцев. Если бы ты имел способности к исцелению… Хотя что я говорю! Беспокойство – это не болезнь. Беги за книгой.

– От беспокойства младенцев… – задумчиво протянул Чудилка и почесал в затылке, словно дядька на рынке. – Да-да… что-то где-то…

За книгой он почему-то не побежал, а сел за стол, нахмурился и глубокомысленно уставился сквозь дверной проём в детскую комнату. Мы все сели за стол. Неудобно было отказаться. Право не знаю, зачем такие хлопоты, если мы только что со свадьбы. Собака под лестницей заунывно взвыла. Киса зашёлся плачем. Галя привалилась к отцу и взвыла тоже. Я взял малыша на руки, но на него мои сюсюканья не подействовали. Он дрыгал ножками и верещал, как брошенный голодный щенок. Я передал его матери, собираясь минуты через три встать и вежливо отпроситься за книгой. Женщина тихо заплакала, прижав к себе Кису. Друг Тота, хозяин гостиницы, задумчиво отковыривал побелку от холодной печки.

Между тем, в доме Тота было тепло и светло. Неубрано только. Видно, бедной, замотанной и больной женщине не до того было.

Чудила перевёл взгляд на подсвечник в форме оленя, очень красивый, на восемь свечей. Он поставил его перед собой и взял в руки светильник. Тоже интересный по форме. Вроде большого розового цветка.

Тут девочка очень кстати вышла умыться, а я спросил:

– Отчего умерла Галина мама?

Чудила меж тем нагромоздил на столе целую коллекцию ламп, светильников и подсвечников. Свечи были новыми, не тронутыми пламенем, или их вообще не было. Лампы, светильники и люстры не горели.

– Откуда свет? – изумленно спросил Петрик.

Я огляделся. И вправду, откуда?

– Галкина мама вообще болезненной была, – сказал Тот. – Простужалась всё. Как осень – всё пчхи да пчхи. Оттого-то я и купил ей эту штуку. – Он показал куда-то вправо. – Простужаться она перестала, зато стала чахнуть, ну и померла.

– Как я, – всхлипнула хозяйка.

– Ну-ну, будет тебе.

– Как мы все, – печально закончила женщина. – Надо бы дом продать да в другой переехать. Да кто купит? Уже про него повсюду дурная слава. И знаете что? Теперь и впрямь тут много таких домов. Не иначе, как враг светлой Эи вырвался из тайной дыры Вселенной и затаился у нас в Гадючьем болоте, посреди воеводства.

– Что значит, чахнуть? – настаивал я, потому что помнил: где-то я уже слышал это. Кто-то всё время простужался, а потом чахнуть стал.

Ответил мне не Тот, а Чудила. Он сказал:

– Это значит, проблемы с кожей, крошатся зубы, выпадают волосы, болит живот, снижается зрение, царапины долго заживают, люди не спят ночами, а на младенцев нападает беспокойство. Кошки не могут выкормить котят. И дохнут!

– Где я это слышал? – наморщил я свой умный лоб.

– Да, всё так, – прошептала хозяйка.

– Печь почему не топите? – прицепился Петрик. – Лень?

– Сил нет, – объяснила Тотова жена. – Да и зачем? Тепло же.

– Откуда свет? – вскричал Чудила так, что Киса от удивления перестал вопить. – Я спрашиваю: где эта штука?

Я испугался. У моего дружка был такой вид, будто он минуту назад выпрыгнул из окна сумасшедшего дома и дал стрекача. Поэтому хозяин гостиницы спрятался за печь, а остальные, включая Кису, только глазами хлопали.

– Миче, – попросил из-за печки Тотов друг, – скажи этому Петрику своему, чтобы он не того…

– Ты потише, Петрик, – попытался я его вразумить. Не вразумил.

– Где эта ерундовина в форме чего-то, заключающая в себе это самое? – заорал он ещё громче. – Немедленно дайте её мне. Через тряпочку.

Дара речи лишился даже я. Может, кто послабее, и впрямь сходит в этом доме с ума?

Я захотел изловить Чудилу, мечущегося повсюду и раскидывающего вещи, но очень уж он увёртлив.

– Ищи, Миче, – рявкнул он мне. – Ищи эту дрянь.

– Какую?

– Миче, – взывали ко мне, – что он делает?

– Работает, – заискивающе пролепетал я. – Мы, волшебники, всегда так. Входим в транс. А потом выходим, я надеюсь.

– Миче, – кричал Петрик, – найдешь, – не трогай руками. Ты меня слышишь?

– Дяденька, ты что ищешь? – встав перед ним и распахнув глаза, спросила вернувшаяся Галя.

Расшвыривать девочек Чудила не решился. Он даже снизошел до объяснения.

– Радость моя, – сказал он, – это такая штука, где рычаг нужно повернуть налево и хорошенько потрясти. У неё есть какая-то форма. Из неё во все стороны лезут свет и тепло.

– А! – подпрыгнул ребёнок. – Такое подарил мой папа моей

первой маме, чтобы она не болела, только это не помогло. Но от него тепло и светло, и можно печку не топить.

– Где ЭТО?!!

– Вон. Сзади тебя.

Петрик крутанулся на одной ножке и оттолкнул Галю от фигурки кролика из уршала – легкого металла.

Фигурка лежала в люльке Кисы в соседней со столовой комнате. Свет от неё распространялся на все помещения, которые мы могли видеть, но она сама не слепила глаз, и в ней почти невозможно было угадать источник света. Он рождался сам собой в воздухе, но не в фигурке, хоть в ней имелись крохотные, с игольное ушко, отверстия, огонь в ней не жил, как в лампе. Кролик не был горячим, разве что чуть тёплым – Чудила держал его через полотенце совершенно спокойно. Приятное тепло рождалось в воздухе само собой, как и свет.

– У вас такое детям дают играть? – полным ужаса голосом спросил Петрик. – Кладут в люльку к младенцу?

– Ну да. А что? Это не бьется, не царапается, светит даже из-под дивана. Главное, следить, чтоб не пропало. Пусть играет. Забавная вещь, полезная очень.

С ненавистью, которой я и не подозревал в моём Чудиле, он рванул на себя кроличий хвост и треснул зверька кулаком по прижатым к головке ушам.

– Ой! – испугалась Галя.

Свет погас, и стало темно и тихо.

*

– Зажгите свечи и лампы, – раздался голос Петрика. – Затопите печь.

Послышалось шуршание. Избалованные полезным изобретением, хозяева искали спички. Я решил им помочь, но понял, что магия не действует – мне не зажечь огня. В пропитанном энергией странного светильника воздухе мои усилия пропали даром.

Пока обитатели дома шуршали, Петрик говорил в темноте, и голос его дрожал от ярости:

– Эта вещь убила твою первую жену, Тот. Откуда она? Эта штука убивала и вас, а вы: «Порча, порча!» Сохранилась в твоей семье с Мрачных времён? Твой предок не сдал её налево-направо?

– А? Налево чего?

И вот представьте только, что держал мой дружок через тряпочку: изобретение доисторического моего тёзки. То самое солнце, что принёс он в пещеры своего народа и за которое принял смерть от рук приспешников Очень Злого Шамана.

И вот представьте, что полезная вещь из легенды оказалась реальностью… И оказалась убийцей.

Миче из Мрачных времён, Миче, в честь которого меня назвали, оказался убийцей своих соплеменников. По незнанию ли, по другой ли причине – всё равно.

Сомнений не было.

Я же читал древний дневник, который мы между собой называли кулинарной книгой. Я помню, как оно всё было в Мрачные времена. Петрик прав. И надо же – вот так догадаться! Вот отчего в доме у Тота беда

А в конце Мрачных времён какой-то хороший человек в пещере налево-направо за шестнадцатым поворотом забирал эти страшные штуки в обмен на лекарство. Наверное, никто не верил, что от солнц вред и гибель, и требовался сильный аргумент, чтобы люди с ними расстались. Стало быть, нынче у нас на повестке дня лекарство. Помню, я сказал, пока темно ещё было:

– Вы не переживайте, мы вам снадобье сделаем. Прямо завтра получите. У нас в кулинарной книге есть рецепт. Больше никто болеть не будет. Но, правда, откуда у вас это солнце? Из древнего склада в пещере?

– Нет, просто купили. При чём тут пещеры? – удивился Тот.

– Мы все умрём? – пискнула Галя.

– Я вам умру! – вскричал Петрик и топнул ногой. – У меня есть доказательства, что эта вещь опасна. Вам повезло: мы действительно знаем, как сделать лекарство. Но, Миче! Ты важное что-то забыл. Просто так его не дают.

– Нет, я помню. В обмен на этого кролика. Вы отдадите его мне. То есть, я прямо сейчас его заберу. Мы заберём его, да, Чудилка?

– Непременно, Анчутка. А вы скажете мне, кто торгует этой дрянью. И у кого ещё это есть. Слышишь, Миче, кто-то узнал, как это делать. Говорили же мы с тобой: была мастерская, мастера и чертежи, и секреты. И могли уцелеть! Миче, да тут весь город может скончаться!

– Не скончается. – Зажегся свет, и я предложил выход: – Мы распустим слух, что в обмен на эти штуки выдаём лекарство сам знаешь от каких болезней, и нам принесут их на блюдечке. Мы объясним, что светильники очень опасны.

– Опять задержимся в пути?

– Ничего не поделаешь.

– Да, – вылез из-за печки хозяин гостиницы. – Распустим и объясним. Только мне что-то не верится.

– Тот, – велел Петрик, – открой все окна.

– Вот именно, – подхватил я. – Надо проветрить, а то волшебство не живёт в такой атмосфере.

Распахнули окна и входную дверь, и едва здоровый морозный воздух вытеснил то, что его здесь заменяло, маленький Киса уже крепко и спокойно спал на руках отца, а Галя, зевая,

жалась к мачехе и тёрла глаза. Перестала истошно скулить собака Юська и утихомирились щенки. Я занялся закрыванием окон – всё-таки в доме дети. Чудила сгрёб всё белье из детских кроваток, включая подушки, одеяла и матрасы, и сжёг на дворе. Тот сам швырнул в костёр прочие спальные принадлежности. Галя приволокла собачью подстилку и с чистой совестью отправилась спать, завернувшись в здоровенную старую шубу из сеней. Хозяйка дома заснула прямо на стуле и даже не открыла глаза, когда мы переносили её на кровать.

Друг фотографа поделился наблюдением:

– А я всё думал, что за дела: как явишься весной в тёплый день к Тоту, так ему не до меня и даже не до клиентов. Все в доме в спячку впавши. Вот теперь уже верится, пожалуй.

– Придёшь после обеда за лекарством, – сказал Петрик зевающему во весь рот Тоту. Прихватив нашего хозяина, мы отправились в гостиницу.

– Нет, ребята, вы молодцы, – восхищался он. – Столько времени никто понять не мог в чём дело, а вы раз – и всё. Когда уже можно распускать слух?

– Чем быстрее – тем лучше. Прямо с утра. Мы очень спешим. Кто не успеет – потащится за лекарством в Някку.

ГЛАВА 5. ЧЕРЕЗ ДВЕ ГРАНИЦЫ

Нам ещё пришлось оказывать помощь недотёпе Доду. Он привёл с собой целую банду – и они нас терпеливо ждали. Но усилился мороз – и буйные горожане ускакали по домам, поджав хвосты и забыв о главаре. Он же едва не замёрз насмерть между сараем и конюшней. Мы с Петриком сильно веселились по этому поводу. У Дода надолго пропадёт желание пакостить анчу. Передав балбеса с рук на руки его матушке и доктору, мы, наконец, улеглись и заснули.

С утра, пока ещё мы спали, хозяин гостиницы развил бурную деятельность. Вроде бы даже на площади с помоста объявлено было о страшной находке в доме Тота. Во второй половине дня к нам повалил народ: я едва успевал снова и снова переписывать текст молитвы «Чтобы всё хорошо было». Насколько я понял, он шёл в комплекте с лекарством и выдавался в обмен на солнце хорошим человеком из-за шестнадцатого поворота. Я восстановил текст как попало, даже больше выдумал, чем восстановил: это всего лишь средство успокоения. Я отринул за ненадобностью слова о не ведающих, и развивал тему, что теперь действительно всё должно наладиться… в личной жизни и в материальном плане.

– Делай упор на здоровье, – поморщился Чудила, увидев мой текст. – А то твоя молитва на гадание похожа. «И будет тебе, красна девица, счастье, муж богатый, да коровка молочная, а тебе, добрый молодец – тёща ласковая». Ой, не могу!

Я пожал плечами:

– Да пусть её. В гаданиях я понимаю, могу обнадёжить и успокоить. Могу богатство привлечь. А способностей к исцелению у меня нет. Значит, и толку не будет. И ни про какую тёщину коровку тут не написано. Тоже мне, добрый молодец! Где ты видишь про молодца с девицей?

Однако, подумав, я прибавил слова: «и здоровье будет в порядке».

Лекарством ведал Чудила. Он варил снадобье в кастрюле, позаимствованной у хозяина гостиницы, разливал его поварёшкой в принесённые баночки и скляночки. Вместе мы объясняли местному населению, призванному распускать слух, что к чему и где нас искать тем, кто не успеет. Мы не могли сидеть здесь вечно. Мы рвались в Някку, а потратили на кошмарные светильники несколько дней, потому что люди ехали со всей округи, и мы имели беседу даже с местным воеводой, тоже купившим в свое время древнее солнце Миче и потерявшим из-за этого новорожденного сына, мать и жену.

Всевозможных фигурок набралось у нас семьдесят шесть штук: котят, зайчат, собачек, барашков и птичек, и мы не знали, что с ними делать. Зарыть? Отроют. Бросить в реку? А если они отравят воду, а потом выплывут где-нибудь? Везти с собой? А если мы сами скончаемся от их воздействия? А если нападут разбойники, убьют нас, а фигурки снова расползутся по свету?

Мы решили везти их с собой и зарыть уже в Айкри, в диком лесу, где даже археологи вряд ли когда-нибудь будут производить раскопки.

Кто возродил древнее солнце? Мы не добились ответа. Какие-то торговцы рекламировали замечательный товар, а местные жители купили новинку. Каждый год находились покупатели. Причем, многие знали, что это, и так и называли: солнце Миче. И опять нехорошее было связано с моим именем, опять его трепали на всех перекрёстках.

Мы бросили мешок с фигурками в сани, сели и поехали на юг. И при этом рассуждали о том, что какая разница, сейчас или позже начать сильнее распускать слухи для Воки Ловкача. В конце концов, мы же волшебники, так что он со своей бандой ещё пусть попробует добраться до наши шкур. Мы сдадим его соответствующим службам, а повезёт, так и стравим их где-нибудь, пусть разбираются друг с другом, и отвлекутся от нас. Очень кстати подвернулись светильники, теперь и те, и другие устремятся куда следует. А то пока бы до них вести дошли.

– С Воки удачно получилось, – вздохнул Петрик. – Родителям и соответствующим службам лучше бы не знать, что мы уже так близко к Някке, к столице.

Я тоже вздохнул: лучше бы да, но так уж вышло.

А очень скоро, за невысокой Ласской грядой, на новой равнине, снег сменили дожди и распутица. Мы продали сани, купили ещё коня для поклажи и продолжили путь верхом. И очень переживали за наших животных: мешки с солнцами болтались на их спинах. Не заболели бы. Мы ежедневно вливали в них лошадиную дозу лекарства, хоть они и сопротивлялись.

Фигурок становилось всё больше. Нас догоняли и встречали у околиц. В каждой из трёх стран, что мы пересекли с севера на юг, наблюдалась та же картина. И мы теперь были абсолютно уверены, что весть о нашем приближении дойдёт до столицы Някки раньше, чем мы. Конспиративной квартиры и сложных, изнуряющих, чар личины было не избежать.

Прямо на границе Акети и Тонки тощий и бледный служака, на котором форма болталась, как на удочке, бросился нам в ноги и долго бормотал о том, что мы спасли его дочерей, бесценное его сокровище. Этой зимой они с женой думали, что лишатся девочек, невест, красавиц, но тут до него дошли слухи о вреде проклятых солнц. И вот оно, его собственное, пожалуйста – в обмен на лекарство. Едва погас светильник, как и жене лучше стало, и дочкам, и сам он словно бы ожил. Короче, на границе у нас проблем не было.

Покидали мы Тонку в печальное время: умерла мать двух королев: королевы этой страны и нашей собственной. Ходили слухи, будто она тоже не устояла перед сомнительной пользой солнц и имела одно в своих апартаментах. Петрик, лично знавший пожилую женщину, плакал, как маленький, и долго был очень грустным.

– Кто? – спрашивал Петрик пустое небо. – Найду – руки поотрываю.

– Дело у негодяя хорошо поставлено. Агенты бродят по всем дорогам, – подхватывал я.

Мы видели много горя, принесённого великим и, вроде бы, благородным изобретением, и Петрик день ото дня становился всё злее и всё больше спешил.

Мы очень хотели поймать кого-нибудь из агентов, продающих солнца. Допросить их – вот что было нужно. Но пока не удавалось.

– Негодяй свернул производство и прикрыл лавочку, – сказал я. – Это даже плохо, Чудилка. Спрячет записи, станки, материалы. Потом всё это кому-нибудь достанется. Всё повторится, может, чуть по-другому.

– Не думаю, что свернул производство. Понимаешь, Миче, это же оружие. Настоящее оружие. И может кому-то ещё пригодиться. Догадайся, кому. Побольше бы сведений – и мы сами прихлопнули бы лавчонку.

Узнали мы немного: восстановленные солнца продают лет пять, никак не больше, может, чуть меньше.

Нам показывали дома, где за эти годы погибли целые семьи. Торговля шла на окраинах нашей страны и в ближних, а может, и дальних, странах.

Жертвами носителей тепла и света становились всё больше женщины, дети, телята, щенки и прочий молодняк. Кошки сбегали из дому. А вот взрослые мужчины воздействие солнц почему-то переносили легче, но за пять лет оно всё же доконало многих. А один помещик три года назад купил солнца на свой конный завод, надеясь создать породистым лошадям хорошие условия. Он лишился их всех и, не понимая в чем дело, снес конюшни и, построив новые на другом месте, собрался поместить солнца в них. Он думал, что на скакунов напала заразная болезнь, опасная и для конюхов тоже. Никто не хотел работать у него, пока мы не объяснили в чем дело.

Мы с Петриком поражались: отчего в легендах и сказках не сохранилось указания на то, что эта вещь вредна для здоровья? Описывались интриги и столкновения двух врагов, желание дорваться до власти и получить выгоду, а пока бушевали эти страсти, народ вымирал. А кто-то сидел в пещере налево-направо от колодца Пустоты, тихо собирал изобретения в обмен

на лекарство и молитву и ни словом не упрекнул ни Очень Злого Шамана, готового поставить под угрозу само существование анчу, ни этого изобретателя Мече, который не соображал, что делает. Или соображал и лишь прикидывался добреньким? Где он странствовал, каких идей нахватался? Почему отказал Очень Злому Шаману в сотрудничестве и более выгодной продаже солнц? Ему и так было хорошо? Или он имел другие цели? Оттого ли рассердился Злой Шаман, что Мече не захотел шагать с ним рука об руку к вершинам богатства и власти? Или до Шамана дошло, что прекрасное солнце Мече – зло? Кто знает? Даже Хрот не знал.

И всё же Петрик говорил мне:

– Это Корки. Вот помяни мое слово: Корки это, и всё тут.

– Да брось, Чудик, они и так богаты. Уж насколько я их не люблю, но у тебя просто предубеждение какое-то. А ведь ты собираешься жениться на дочери их клана. Нельзя обвинять без доказательств. Надо искать среди тех, кто внезапно разбогател года четыре назад.

– Корки рвутся к власти, и деньги им нужны, чтобы укрепить своё положение. Ты вспомни: они содержат тьму головорезов и поддерживают пиратство. К тому же, может, это их просто радует – обладание таким секретом, – возражал Петрик.

По его мнению ухудшение здоровья рыбаков Някки было связано именно с производством солнц.

– Помяни моё слово, – снова начинал Чудилка, – производство где-то ниже Идены. Неправильно устроенное производство отравляет воду и рыбу. И любителей рыбы. Ты знаешь: несколько лет мы читаем сообщения о том, что речная рыба то и дело всплывает кверху брюхом. Священная роща у Катиты роняет листья уже в конце лета. Мы сами наблюдали камыши странного вида – потемневшие и со стеблями, словно завязавшимися в узлы. А вы мне тогда что сказали? «Ничего страшного, Петрик, это просто сорт такой»! Надо же – сорт! Лесные животные, приходящие на водопой, и домашние собаки, пьющие воду из Някки, болеют, лысеют и долго не живут. Коровы дают отравленное молоко, а его пьют дети…

– Да-да, ты говорил, что доктора встревожены, но не могут понять причины… Ещё людям стало неспокойно жить на берегу, а младенцы в домах у воды не спят, капризничают и плачут. Мы это знаем, потому что заходили в дома у Някки, разговаривали с людьми.

– Отравлена Някка, наша родная река. Я говорил тебе: где-то в низовьях. А наши семьи в нашем городе пользуются этой водой. Понятно? Мы сами в нашем путешествии пользовались. Мы пользовались дома все эти годы!

– Ната пользуется, – пискнул я, зажмурившись от ужаса и думая о том, что для женщин это особенно губительно. – И мама моя!

– Вот-вот.

– Но ни Кохи, ни Хрот ничего такого не говорили. Они хорошие люди, не стали бы молчать, – пробормотал я. – Вспомни, Кохи хотел защитить родителей от обвинения в измене, но при этом пытался предотвратить нападение пиратов. Он бы придумал что-нибудь, если бы знал, чем занимаются родичи. Придумал бы для их защиты, но поговорил бы с нами, чтобы попытаться искоренить причиняемое зло.

– Хрот у них в семейке считался бедным юродивым, не таким со всех сторон. Будут они с ним откровенничать? Мадина – девчонка, а Кохи… Ну, ты знаешь, Кохи они просто не любили. Коркины дети отстранены от дел. Может быть, только Яков… Вот ему ещё один повод для мести: мы загубили семейный замечательный бизнес. Лишили дохода. А ну как до Корков дойдёт, что можно использовать светильники, как оружие?

– Лучше молчал бы ты, Петрик. Как ТЕБЕ такое в голову приходит?!

В одном городе мы наткнулись на драку и благоразумно не стали в неё встревать. Били двух агентов, продававших солнца и не успевших удрать восвояси. На мой взгляд, очень правильно делали. Кто-то узнал их на рыночной площади. Когда парней загребли в тюрьму, мы

с Петриком попросили разрешения побеседовать с ними. Так как все вокруг были наслышаны о нашей антисолнцевой деятельности, нас пропустили к этим двоим.

– Болваны, – в числе прочего и непечатного сказал им Петрик. – Вы что творите?

– Мы продаем полезную вещь, и нам за это хорошо платят.

Возрожденное солнце несёт тепло, свет и здоровье, – ответили они. – С какой стати вы мешаете нам? Мы занимаемся этим уже два года.

– Я – три с половиной, – пробасил чернобородый парень. Он дернул себя за бороду, и в его руках остался чёрный клок.

– И как здоровье? Улучшилось? – ехидно спросил Петрик.

– Ну, мы же вечно на холоде, по дорогам мотаемся, едим что попало…

Их, дуралеев, обманывали, как и всех прочих. В начале осени каждый раз новый человек привозил им товар в тот городишко, где они обитали. Мы объяснили, до какой степени они не правы. Чернобородый плакал, закрыв лицо руками. За три с половиной года он потерял родителей, сестру и молодую жену, купив в свой дом два солнца по цене одного. Акция для агентов.

– Сколько вас всего? – спросил я.

– Понятия не имеем.

– Значит, работаете вместе не с самого начала?

– Сперва я с другим человечком работал, да он того… Помер. Старый уже был. Лет сорок.

Я только хмыкнул. Несмотря на чёрную бороду и статус вдовца, агент был в том возрасте, когда люди старше тридцати пяти кажутся глубокими старцами.

– Кто делает это? Где?

– Так не знаем мы. Говорим же: каждый раз разные люди привозят товар, а потом за деньгами являются и процент платят. Процент хороший.

Похоже было, что они действительно ничего не знали. Но Петрик воскликнул:

– Корки! Я чувствую, что это они.

Я не хотел быть пристрастным, но как-то так выходило, что скорей всего. Оставалось загадкой, где производство и как добыть доказательства, более веские, чем показания двух напуганных простофиль.

И вот настал день, когда мы выехали на берег реки Акс, на границу нашей страны, и день, когда мы с Петриком поняли абсолютно чётко: следы производства светильников ведут в Някку. Ладно, пусть не в саму столицу, но точно – в ту сторону. Смешно и не очень достойно: мы руководствовались слухами, как истинные сыны нашего города. Правда, Петрик руководствовался ещё и данными о здоровье рыбаков.

В крепости на границе двух стран, Акети и Някки, соответствующие службы встретили нас как родных, с хлебом-солью и кучей солнц. Желающих получить лекарство было столько, что им не хватало места в крепости и посаде. Палаточный городок вырос в чистом поле. Пришлось провести и у Акса несколько дней, готовя зелье и переписывая молитву. Это мы раздавали абсолютно бесплатно. Но я заработал кучу денег, гадая и продавая амулеты.

– Ага! – азартно воскликнул Петрик. – Вот хорошая возможность и мне потренироваться.

Наплевал, безумец, на запреты родителей.

Вообще-то, он варил зелье в таком большом чане, выделенном специально для его целей. Но пока оно закипало, делал то же, что и я: гадал и строгал амулеты, и был совершенно счастлив. Особенно после того, как ему удалось всучить тётушке воеводы самомахающий веер.

Рецепт лекарства был пугающе прост: даже два мальчика, поварята, освоили его за пятнадцать минут. Они крутились возле Петрика и взирали на него, как на божество. Умный воевода приволок всех аптекарей и врачей этих мест для обучения – и мы вздохнули свободней. Толпы страждущих, бегающих за нами, действовали на нервы.

– Так и будем делать: учить аптекарей и врачей, и разных других людей, пусть они занимаются, – сказал Чудилка. Только молитву сам пиши: она у тебя оберег, не иначе. Пусть у людей будет что-то из твоих рук.

Тем не менее, текст мы тоже оставляли в городах и деревнях, приклеивали на столбы и колодцы и радовались тому, что он был напечатан в газетах: невозможно снабдить всех желающих тем, что написал лично я. Я сделал приписку после того, как увидел алчный блеск в глазах одного из аптекарей Акса: страшная кара пусть постигнет того, кто поднимет цены, кто станет продавать лекарство, а с ним и молитву, за деньги, большие, чем указанная сумма. Сумму я указал незначительную – только на цагрик выше стоимости составных частей зелья. Их было всего четыре, стоили они почти бесплатно, а докторам и прочим надо всё-таки как-то компенсировать затраты. Мы просили этих людей принимать плату за лекарство, но не принимать солнца. Массового вымирания медиков нам не хотелось. Мы обещали, что, узнав секрет уничтожения светильников, доведём его до сведения каждого человека Някки, Акети, Тонки и прочих стран. Чтобы хозяева сами справились с этой проблемой, а пока пусть уберут опасные предметы подальше. Только вот беда. Мы с Петриком сами не могли отказать больным, несчастным людям и забирали у них светильники. Как можно было отпустить их обратно с такой бедой? Пусть даже солнца и не горели.

Я всё писал и писал, и начал замечать, что у меня что-то странное стало твориться с руками. Они казались тяжёлыми, словно отекли, пальцы потеряли ловкость настолько, что я проиграл в карты сыну воеводы, потому что не смог нормально сжульничать. Помогая Петрику, я случайно ободрал кожу на запястье об угол старого стола, и эта пустяшная царапина воспалилась и не заживала очень долго. Странно. Обычно люди забывают о том, что они ударились о стол, просто сразу.

– Знаешь, Чудилка, мне надо меньше писать. Руки устают. Причём, даже левая.

– Но я-то ведь не пишу, – нахмурился мой дружок и задумчиво пошевелил пальцами. – У меня тоже устают.

– Ещё бы! Столько махать поварёшкой!

– Да нет, Анчутка. Думаю, это от того, что мы хватаем руками все эти фигурки. Знаешь что? Тяпнем-ка мы лекарства.

Мы тяпнули лекарства, а людям сказали, чтобы они сами кидали солнца в наши большие мешки.

Я знаю, у вас уже возник вопрос: зачем и по какой причине мы возили светильники с собой по дорогам, отчего держали их при себе, не оставили в Аксе или другом каком городе? Видите ли, мы с Чудилкой руководствовались книгой древней жительницы пещер, а там ясно сказано: человек из-за шестнадцатого поворота забирал солнца в обмен на лекарство и текст молитвы и, как мы поняли, сам же уничтожал. Что стали бы делать с фигурками те, кому мы отдали бы их на хранение? Ни мне, ни Петрику пока не приходило в голову, как сделать так, чтобы солнца, сложенные где-то в кучу, не причинили вред обитателям городов. Опасные предметы необходимо было уничтожать, а не хранить. Ни воевода Акса, ни кто-либо другой, ни даже мы сами, ни разу не озадачились вопросом, не стоит ли нам избавиться от светильников, переложив заботу об их хранении и охране на кого-то другого. Нам даже в голову не пришло действовать как-то иначе. Мы слепо верили записям женщины, пережившей Мрачные времена. А люди, пострадавшие от ядовитого света, слепо верили нам.

ГЛАВА 6. ТРИ ПИСЬМА

Пока мы сидели у Акса, Петрик получил письмо из столицы Тонки, страны, которую мы пересекли до Акети и Някки, двигаясь на юг. На конверте увидел я личную печать короля этого славного государства и перепугался не на шутку, вспомнив о соответствующих мерах.

– Петрик, что пишут?

– Бабушка умерла.

– Что? И у тебя тоже? Ох, Чудилка!

– А у кого ещё? – всхлипнул мой дружок, запутавшийся в большом количестве трагических рассказов наших пациентов.

– Ну… У королевича, например. У нашего. Ты помнишь, когда мы из Тонки уезжали, на границе…

– Всё, всё, Миче, хватит, не надо.

– Прости.

– Ничего. Возьми, прочитай. Это тётя пишет. Сестра моей мамы.

Чудилка протянул мне послание на именной королевской бумаге. Ничего себе! Вот так запросто его родня общается с сильными мира сего. Тётя просто взяла листок со стола короля и стала писать. И попросила, чтобы правитель большой страны поставил свою печать – чтобы письмо побыстрей дошло, и не затерялось где-нибудь.

Тётя у Петрика странная, однако. Начиналось письмо так:

«Дорогие наши Петрик и Миче…»

– И Миче, – повторил я и моргнул. Не знакомая мне тётя пишет такие слова. Хотя, она слышала, конечно, о нашей дружбе и о том, что мы путешествуем вместе.

«Я и мой муж страшно огорчены и испуганы тем, что вы бросили „Комарик“ и экспедицию, оставили своих друзей, родных и невест в то время, как преступник Воки Ловкач бежал и ищет вас ради мести. Вы не подумали о том, что он отправится с этой целью именно в холмы Иксаны? Я даже рада, Чудилка, что твоё имя гремит по всем странам, и вы с Миче оттянете это преследование на себя. Вы волшебники, и справитесь…»

Подглядывающий Петрик пожал плечами:

– Само собой. Всё идёт по плану.

– Да, – отозвался я, – за исключением того, что нынче всем и каждому известно, что мы едем в Айкри, а не к Крабовому морю. Всё по плану.

Я снова уткнулся в письмо:

«Домашний арест не вразумил вас. Твоё неверие в твоих родителей, Петрик, возмутительно. Но благодарности нашей нет предела. Вы, ты и Миче, избавили наш народ от великого несчастья. Кто знает, сколько лет прошло бы до того момента, когда был бы раскрыт вред от возрожденных солнц? Я и мой муж, и наши дети – все мы с ужасом думаем о том, сколько людей погубило бы это изобретение, если бы не вы. Мы повсюду отправили письма с предупреждением, с текстом молитвы и рецептом лекарства, Петрик. Спасибо, что ты прислал нам всё это. Не думаешь ли ты, что это попытка поссорить страны, так долго живущие в мире? Жаль, что ты немного опоздал – и твоя бабушка скончалась. Она купила светильник и очень радовалась приобретению. И что вышло? Наши малыши, твои племянники, гостили у неё целый месяц и вернулись больными и бледными. Да ещё твой дядя, мой любимый супруг, приобрёл и нам это солнце незадолго до того, как ты обнаружил, насколько оно опасно. Но не беспокойся, Чудилушка, я знаю, как ты любишь племянников. Они уже почти здоровы, передают тебе привет.

Петрик и Миче, едва до нас дошли вести о том, что вы находитесь в Тонке, мы написали государю Крассеты, и ваша экспедиция взята под ещё более усиленный тайный надзор

и охрану. Двое из четырёх известных волшебников страны привлечены к этому делу. Именно потому, что бежавший преступник Воки может причинить ей вред. Но всё же, мы больше волнуемся за вас. Твоя мама, Петрик, и твои родители, Миче, писали нам, что конвой слышал проклятия Воки в ваш адрес и клятву отомстить. Будьте осторожны. Думаю, он ищет вас. А ты, Петрик, мой любимый племянник, потерять тебя я просто не могу. Если нужна помощь – пиши. И когда узнаешь, что делать с фигурками, в которые заключены солнца. Они до сих пор у нас, хотя и убраны с глаз долой в подвал.

Твоим родителям, Петрик, я написала и отправила всё, что следовало, не раскрывая того, что знаю, где вы находитесь. Только, думаю, для них это недолго будет секретом.

Петрик и Миче, когда всё снова станет хорошо, и вернётся настоящее солнце, вы должны побывать у нас в гостях с Рики и этой девочкой Лалой, и всеми вашими друзьями. Ну а мы, конечно, хотели бы приехать на ваши свадьбы, если твои родители, Чудилушка, к тому времени бросят дурить и забудут свои предубеждения в отношении Миче. Твой друг – замечательный мальчик, очень хороший.

Но скажите мне, что вы собираетесь делать в Някке? Чудилка, что лично ты сможешь сделать из того, что не смогут сделать твои родители? Только я – не они, и не стану читать вам мораль. Скажу одно. Я, как бывшая служительница Эи, уверена, что вас неспроста вынесло на дорогу в зимнюю стужу. Если для вас имеет смысл моё благословение, то оно у вас есть».

Дальше перечислялось большое количество людей, которые передают Петрику приветы, детской рукой были пририсованы каракульки, должно быть, изображающие два кораблика, кто-то написал мужским почерком и без подписи: «Ну что, Чудилище, допрыгался?» И другим почерком, но почему-то полупечатными буквами, как пишут на чертежах инженеры: «Он не допрыгался, а добегался!» – и сбоку жуткая фигура в матросской рубашке, с перекошенной рожей и саблей в зубах, очевидно, озверевший Воки. Женским почерком: «Петрик, когда в гости приедешь? Хоть бы заехал, пока в Тонке был! Хоть бы с бабушкой успел повидаться». Вторым мужским почерком, «инженерными» буквами: «Нечистая совесть гонит его на юг». «Петрик, я тебя люблю. Приезжай играть», – с ошибками писал ребёнок, только что начавший осваивать алфавит. Снова вторым мужским почерком: «Ему нынче не до игр. Он важными делами занят». Ещё один мужской почерк, третий, крупный и чёткий, так пишут решительные люди: «Лиля права. Передай родителям, пусть бросают чудить. Уже сил моих нет с ними разговаривать. Я только что из Някки. Это я, твой дядя. Привет Миче». И опять второй мужской почерк: «Пора заканчивать переговоры. Настала пора решительных мер», – и нарисована пушка и летящее из неё ядро с физиономией скучающего вида.

Петрик всё время, что я изучал послание, из-за моего плеча перечитывал его. И хохотал над этой последней припиской так, что уже утирал слёзы.

Меня же потрясли слова маленького ребёнка: «Петрик, я тебя люблю» – кто, кроме Рики, мог ему так написать? МОЕМУ Петрику?

– Кто это всё накалякал? – сердито спросил я, ткнув пальцем в рисунки.

– Мой брат, мой любимый двоюродный брат, – охотно пояснил мой дружок. – До того смешной! Это он повадился меня Чудилой называть, а за ним уже все остальные.

Слов нет. Ладно, родители у Петрика. Родители и родители. Ну, бабушка. С трудом я пережил тётю и её супруга. Но сообщение о том, что у него есть, оказывается, любимый двоюродный брат, произвело на меня убийственное впечатление. Нет-нет, я не обиделся, что Петрик о нём не рассказывал. У меня у самого такая огромная родня, что суток не хватит о ней рассказать, и обязательно кого-нибудь забудешь. И всё же, тех, кто живёт в Някке, Чудилка знает очень хорошо. Например, мои любимые двоюродные сёстры. Если они напишут мне, для него это не будет новостью. Но не в этом дело. Это я всё не о том говорю. Ревность – вот какое название я дал тому нехорошему, что горькой волной поднялось в душе. Я не обратил внимания на сообщение о том, что мой дружок, оказывается, едва ли не из дома Тота разослал

предупреждения по городам и весям. Что его тётя меня почему-то считает хорошим мальчиком, и явно на нашей стороне, хоть и пытается делать вид, что сердится. И что у неё и её мужа какой-то вышел спор с родителями Петрика – из-за меня! Что мои собственные родители переписываются с его тётей. С какой бы стати? Откуда они знакомы? Почему я не знаю? Меня потрясли эти приписки, такие добрые, такие радостные приписки обожающих моего Петрика людей. А как же мы с Рики? Я вот пожалуюсь Лёке…

– Миче, ты что? Ты обиделся? Спокойно. Почему?

– А кто, – выдавил я из себя, – этот ребёнок, что так тебя любит?

– Мой племянник. Сын моей двоюродный сестры. Видишь, это она ругает меня за то, что в гости не завернул, а её муж – он славный! – шутит, что я допрыгался. Понимаешь, у сестры сначала родился мальчик, а потом они с мужем хотели девочку. Родилось две девочки, благословение Эи! Посмотри, каждая из них по кораблику нарисовала. У нас в роду довольно часто бывают двойни. Что непонятного? У тёти и дяди есть сын и дочь. Дочка старше. Она замужем. У неё трое детей. Её брат – чуть старше Кохи. Он ещё не женат. Всё просто.

Я сказал себе, что всё нормально. Подумаешь, обнаружилась у Чудилки куча родни. Ну и что? Надо привыкнуть к этому. Он же привык к моей родне.

От этого послания у Петрика поднялось настроение, а я сник на целых десять минут. Больше всего меня мучила обида за Рики. Он тоже любит этого балбеса.

До Чудилки тут дошло, отчего я такой унылый. Сначала он смеялся надо мной и моей ревностью, а потом воскликнул, делая вид, что шутит:

– Если бы ты знал, Миче, что я перенёс ради дружбы с тобой!

Я вспомнил давнее письмо от его отца, и мне стало стыдно. Очень.

– Зачем? – спросил я. – Зачем столько тайн нагородил ты вокруг себя, Чудилушка? Что такого страшного в том, что мы с Лёкой знали бы о твоих родственниках?

Петрик пожал плечами:

– Будь моя воля, не было бы ни одной тайны. Я бы вас познакомил, тебя, Нату, и Лёку, и Рики, со всеми этими людьми. Мы бы все вместе поехали в гости – было бы весело! Нас приглашают не в первый раз. И даже через твоих родителей приглашали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.